

18+

Константин Будилин

в соавторстве с Натальей Л.

СЕМНАДЦАТЬ МИНУТ ТИШИНЫ

Том II

И-17

Константин Будилин

Семнадцать минут тишины. Том II

«Издательские решения»

Будилин К.

Семнадцать минут тишины. Том II / К. Будилин —
«Издательские решения»,

Прошлое больше не молчит. Елизавета Морозова и Андрей Лавров продолжают расследование тайны семнадцати минут, изменивших несколько жизней. Новые документы, опасные свидетели и следы давних событий постепенно складываются в единую картину. Но чем ближе правда, тем выше её цена. Им предстоит не только раскрыть тайну прошлого, но и решить, смогут ли они довериться друг другу и начать жизнь заново.

Содержание

КОНСТАНТИН БУДИЛИН	6
Том II	6
2026	7
Содержание	8
Глава 28	9
Чужие шрамы	9
Глава 29	19
Первая попытка	19
Глава 30	31
Зимний сад	31
Глава 31	40
Ключ	40
Глава 32	48
Двенадцать фамилий	48
Настоящая кардиограмма	58
Признание матери	71
QT	74
Глава 35	84
Шесть потерянных минут	84
18 ДЕКАБРЯ 2004 ГОДА	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Семнадцать минут тишины. Том II

Константин Будилин
Наталья Л.

© Константин Будилин, 2026

© Наталья Л., 2026

ISBN 978-5-0071-2939-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-2938-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**КОНСТАНТИН БУДИЛИН
НАТАЛЬЯ Л. СЕМНАДЦАТЬ МИНУТ ТИШИНЫ**

Том II

2026

Содержание

Глава 28. Чужие шрамы
Глава 29. Первая попытка
Глава 30. Зимний сад
Глава 31. Ключ
Глава 32. Двенадцать фамилий
Глава 33. Настоящая кардиограмма
Глава 34. Признание матери
Глава 35. Шесть потерянных минут
Глава 36. Подпись отца
Глава 37. Предложение Карелина
Глава 38. Ухудшение
Глава 39. Ночь в коридоре
Глава 40. Статья, которой не будет
Глава 41. Разбитое окно
Глава 42. Копия голоса
Глава 43. Последняя свидетельница
Глава 44. Зависимость
Глава 45. Сделка
Глава 46. Тюрьма
Глава 47. Декабрь 2021 года
Глава 48. Своё я тело смерти не отдам
Глава 49. Решение жить
Глава 50. Новый план
Глава 51. Свидетель
Глава 52. Возвращение Андрея
Глава 53. Лицом к лицу
Глава 54. Приказ Тарасову
Глава 55. Торжественный вечер
Глава 56. Второе отключение
Глава 57. Дым
Глава 58. Теперь спасаю я
Глава 59. Прямой эфир
Глава 60. Голос матери
Глава 61. Падение Карелина
Глава 62. Имя врача
Глава 63. Первые шаги
Глава 64. Начать лишь жить
Эпилог

Глава 28

Чужие шрамы

*Мы прячем боль под тканью и словами,
Пока другой не узнаёт её своей.*

Передвижной рентгеновский аппарат оказался старше некоторых инструкторов школы. Максим включил его только с третьей попытки. Аппарат загудел, на панели загорелись два тусклых индикатора.

— Он безопасен? — спросил Андрей.

— Настолько, насколько может быть безопасна техника, пережившая закрытие учреждения и четырёх директоров, — ответил Максим.

— Очень обнадеживает.

— Можете ехать в районную больницу.

— За нами охотится внедорожник.

— Тогда не двигайтесь.

Елизавета закрепила ногу Андрея на узком столе.

— Поверни стопу немного внутрь.

— Больно.

— Я ещё не прикоснулась.

— Предупреждаю заранее.

— Поздно. Ты уже согласился на обследование, когда не смог выйти из машины.

— Не помню, чтобы соглашался.

— Молчание пациента иногда приходится трактовать в пользу его здоровья.

— Удобное правило.

— Исключительно.

Максим установил кассету.

— Не двигайтесь.

— Все врачи любят это говорить, когда укладывают человека в самое неудобное положение.

— Зато следователи любят повторять: «Это займёт всего несколько минут», — сказала Елизавета.

— Обычно никто не верит.

— Теперь понимаешь пациентов.

Аппарат щёлкнул.

Пока Максим проявлял снимок, Елизавета обработала свежую рану. Повреждение было неглубоким, но удар пришёлся точно в место старого перелома.

Шрам начинался ниже колена, проходил по наружной стороне бедра и скрывался под одеждой. Рядом тянулись короткие следы от фиксирующих конструкций.

— Сколько операций? — спросила она.

— Четыре.

— В выписке из нашего центра указаны три.

— Последнюю сделал позже.

— Почему не сообщил?

— Она не относилась к реабилитации.

— Любое вмешательство на нерве и мышцах относится к реабилитации.

- Теперь знаю.
- Ты и тогда знал.
- Не хотел возвращаться.
- Елизавета остановилась.
- В центр?
- В состояние пациента.
- Это разные вещи.
- Для тебя.
- Для всех.

Андрей посмотрел на белые стены медицинского кабинета.

— Когда человек несколько месяцев не может встать с кровати, палата становится не помещением. Она становится ролью. Все входят и видят сначала диагноз. Потом ортез. Потом трость. И только после этого человека.

- Ты думаешь, я видела тебя так?
- Вначале — да.
- Ошибаешься.
- Ты прочитала карту раньше, чем вошла в палату.
- Это моя работа.
- Именно.

Елизавета закрепила повязку чуть туже, чем требовалось.

Андрей поморщился.

- Месть?
- Лечебное воздействие.

Максим вернулся со снимком и установил его перед лампой.

Они втроем рассматривали кость.

— Свежего перелома нет, — сказал он. — Конструкции целы. Сильный ушиб, растяжение и повреждение кожи.

- Я же говорил.
- Вы говорили, что это судорога.
- Почти угадал.
- На ногу не наступать хотя бы сутки.
- Невозможно.
- Почему?
- У нас исследование.
- Оно не требует ходить лично.
- Иногда требует.

Елизавета сняла снимок с экрана.

- Тогда будешь передвигаться на костылях.
- Нет.
- Они здесь есть.
- Поэтому и нет.
- Андрей.
- Трость достаточно.
- После удара — недостаточно.
- Я сам решу.

Елизавета положила снимок на стол.

- Снова?
- Что?

— Снова сам решишь, что можешь терпеть, сколько помощи тебе разрешено принять и какую часть правды должны знать остальные.

— Не сравнивай мою ногу со своей историей.

— Почему? Механизм один. Ты требуешь доверять тебе, но скрываешь всё, что делает тебя уязвимым.

— Это не связано с Карелиным.

— Это связано с нами.

Слово прозвучало неожиданно.

Андрей поднял глаза.

— С нами?

Елизавета отвернулась к медицинскому шкафу.

— С расследованием.

— Конечно.

Максим кашлянул.

— Я проверю дежурную группу.

— Вы уже проверяли, — сказал Андрей.

— Проверю ещё раз.

Он забрал снимок и вышел, осторожно закрыв дверь.

Елизавета начала собирать использованные салфетки.

— Он сделал это специально.

— Максим умеет вовремя уходить, — сказал Андрей.

— Двадцать один год тренировался.

— Жестоко.

— Правда.

— Не всегда одно и то же.

Она выбросила перчатки.

— Почему ты не рассказал о четвёртой операции?

— Не хотел, чтобы ты снова занималась моей реабилитацией.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз это оказалось слишком сложно.

— Физически?

— Нет.

Елизавета замерла.

За окном медицинского корпуса медленно светлело. Снегопад прекратился, над тёмными деревьями появлялась бледная полоса рассвета.

— Тогда что было сложно? — спросила она.

Андрей провёл ладонью по ортезу.

— Зависеть от тебя.

— Все пациенты какое-то время зависят от врача.

— Ты никогда не относилась ко мне только как к пациенту.

— Откуда тебе знать?

— Потому что злилась сильнее, чем требовала работа.

— Ты нарушал режим.

— Иногда специально.

— Зачем?

— Чтобы ты пришла.

Елизавета взглянула на него.

Андрей улыбнулся, но в улыбке не было лёгкости.

— Не самый зрелый способ привлечь внимание.

- Ты срывал занятия и отказывался пользоваться ходунками ради моего внимания?
- Не только ради этого. Ходунки действительно были ужасными.
- Я должна была исключить тебя из программы.
- Но не исключила.
- Считала, что тебе можно помочь.
- Поэтому и не хотел возвращаться после четвёртой операции.
- Боялся снова зависеть?
- Боялся, что на этот раз не смогу уйти.

Между ними осталось меньше шага.

Елизавета услышала собственное дыхание. Слишком частое. Не опасное, но выдававшее то, что она предпочла бы скрыть.

- Ты ушёл без прощания, — сказала она.
- Реабилитация закончилась.
- Можно было зайти в кабинет.
- Можно.
- Но ты исчез.
- Да.
- Как Максим.
- Не сравнивай.
- Почему мужчинам так нравится решать, что исчезновение защищает женщину от

сложностей?

- Я никого не защищал.
- Тогда чего боялся?

Андрей посмотрел на неё прямо.

- Что ты попросишь остаться.

Елизавета не нашла ответа.

Она отошла к окну.

На улице инструкторы осматривали повреждённую машину. Один фотографировал треснувшее стекло, второй измерял следы удара на бампере.

- Расскажи про аварию, — сказала Елизавета.

- Ты читала выписку.
- Там медицинские термины.
- Их ты понимаешь лучше меня.
- Я спрашиваю не о переломах.
- Андрей взял трость, но не встал.
- Что хочешь услышать?
- Почему ты до сих пор не позволяешь людям касаться шрама.
- Он посмотрел на собственную ногу.
- Потому что прикосновение напоминает, что она могла остаться неподвижной.
- Но не осталась.
- Иногда я просыпаюсь и первые несколько секунд её не чувствую.
- Это последствия повреждения нерва.
- Я знаю.
- Они не означают новое ухудшение.
- Знаю.
- Но всё равно боишься.
- Да.
- Признание прозвучало просто.
- Без попытки скрыть или обесценить.
- Елизавета вернулась к кушетке.
- Я тоже просыпаюсь и слушаю сердце.
- Проверяешь ритм?
- Иногда считаю удары.
- Сколько?
- До семнадцати.
- Андрей поднял голову.
- Почему не говорила?
- А кому?
- Мне.
- Ты следователь, а не мой врач.
- Сейчас ты спрашиваешь меня не как врач.
- Возможно.
- Она села на стул напротив.
- После больницы я долго не могла спать без включённого света. Если вокруг становилось тихо, казалось, сердце остановилось и я просто ещё не поняла.
- Поэтому не любишь отключения электричества.
- Поэтому я их ненавижу.
- В первую ночь в центре ты не боялась за себя. Сразу побежала к пациентам.
- Когда отвечаешь за других, бояться легче.
- Странная логика.
- Твоя такая же. Пока преследовали нас, ты вёл машину с ногой, которая перестала слушаться.
- Нужно было вывести вас с дороги.
- Именно.
- Они замолчали.
- Чужие страхи оказались слишком знакомыми.
- Ты когда-нибудь возвращалась на лёд? — спросил Андрей.
- Елизавета напряглась.
- Нет.

- Даже без коньков?
- Однажды вошла на арену во время соревнований Софьи. Осталась у борта.
- Почему?
- Запах.
- Какой?
- Холод, резина, заточенная сталь. И музыка, отражающаяся от пустых трибун. Тело вспомнило раньше головы.
- Начался приступ?
- Паническая атака. Я сказала всем, что стало душно.
- Тебе не было душно.
- Нет.
- Ты ушла?
- Да.
- И больше не пробовала.
- Нет.
- Андрей провёл пальцами по рукояти трости.
- Я тоже не пробовал ходить без неё после последней операции.
- Ты можешь пройти несколько шагов.
- Теоретически.
- Практически тоже.
- Откуда знаешь?
- Видела, как ты встал возле машины, прежде чем схватился за дверь. Опора есть. Ты испугался боли и перенёс вес.
- Это автоматическая реакция.
- Страх тоже автоматическая реакция.
- Предлагаешь выбросить трость?
- Нет. Предлагаю перестать считать её единственным способом двигаться.
- А сама?
- Что — сама?
- Перестать считать борт единственным местом, где можно находиться рядом со льдом.
- Елизавета посмотрела на него.
- Ты не мой врач.
- А ты сейчас не мой.
- У тебя свежая травма.
- Завтра.
- Что завтра?
- Я попробую пройти без трости.
- Это шантаж?
- Договор.
- И что должен сделать второй участник?
- Выйти на лёд.
- Нет.
- Тогда и я не обязан выполнять твои рекомендации.
- Это разные вещи.
- Почему?
- Твоя нога физически готова.
- А твоё сердце?
- Оно работает.
- Значит, тоже готово.

— Дело не в сердце.
— Я знаю.
Он сказал это без насмешки.
Елизавета поднялась и подошла к двери.
— Ты не понимаешь.
— Тогда объясни.
Она взялась за ручку.
— Когда я думаю о льде, вижу потолок.
— Какой потолок?
— Над каталкой. Свет движется, люди бегут рядом, а я не могу вдохнуть. Хотя на самом деле я ничего этого не помню.
— Откуда картина?
— Составила из рассказов. Из снов. Из чужих слов.
— Значит, это не память.
— Телу всё равно.
Андрей встал, опираясь на трость.
— Телу не всё равно. Оно различает то, что происходит сейчас, и то, что было тогда.
Просто его нужно научить.
— Ты повторяешь мои слова.
— Ты говорила их мне во время реабилитации.
— Я не помню.
— А я помню.
Он сделал шаг к ней.
— Ты сказала: «Боль не всегда предупреждает об опасности. Иногда она предупреждает о памяти».
Елизавета отпустила ручку.
— Я была самоуверенной.
— Ты была права.
— Не во всём.
— Никто не бывает прав во всём.
— Карелин считает иначе.
— Поэтому он проиграет.
— Ты уверен?
— Нет. Но хочу увидеть его лицо, когда поймёт, что мы не остановились.
Елизавета невольно улыбнулась.
— Что за договор?
— Я пробую идти без трости. Ты пробуешь встать на лёд.
— Не завтра.
— Хорошо.
— И не одна.
— Хорошо.
— На закрытой арене.
— Согласен.
— Без зрителей.
— Максим не считается.
— Максим там не нужен.
— Тогда только мы.
Елизавета задержала взгляд на его лице.
— Только мы.

Андрей протянул руку.
— Договорились?
Она посмотрела на его ладонь.
Потом вложила в неё свою.
— Одна попытка.
— Первая.
Его пальцы сомкнулись.
Ни один из них не спешил отпускать другого.
В коридоре раздались шаги. Елизавета быстро убрала руку.
Вошёл Максим с подносом.
— Кофе, чай и завтрак.
Он посмотрел на них, затем на расстояние между ними.
— Я помешал?
— Нет, — слишком быстро ответила Елизавета.
— Да, — одновременно сказал Андрей.
Максим поставил поднос на стол.
— Рентген подтвердил отсутствие перелома. Но сутки покоя никто не отменял.
— Мы уже договорились о реабилитации, — сказал Андрей.
— Кто будет проводить?
— Елизавета.
— Я ничего не обещала.
— У нас договор.
— О взаимных попытках, а не о лечении.
Максим налил чай.
— Не хочу знать подробности.
— Их нет, — сказала Елизавета.
— Конечно.
Она взяла чашку.
— Что с периметром?
— Следы внедорожника уходят к северной дороге. Один из инструкторов нашёл возле задних ворот телефон.
— Чей?
— Одноразовый. Без контактов и сообщений.
Андрей протянул руку.
— Где он?
— В пакете. Я не прикасался к корпусу.
Максим положил прозрачный пакет на стол.
На экране телефона горел значок нового голосового сообщения.
— Выключить сеть, — сказал Андрей. — Потом осмотрим.
— Может быть, это Ирина, — предположила Елизавета.
— Или Тарасов оставил устройство специально.
— Сообщение уже загружено.
Андрей включил громкую связь, не вынимая телефон из пакета.
Раздался мужской голос:
— Вы думаете, шрамы делают вас сильнее. На самом деле они только показывают, куда ударить снова.
Запись закончилась.
Елизавета перевела взгляд на свежую повязку Андрея.
— Я видела, что они остановились. Кто это сделал, не знаю.

— Возможно, — сказал он.
— Он видел аварию?
— Если следил за нами, видел, что я повредил ногу.
— Значит, знает слабое место.
Андрей взял трость.
— Теперь знает то же, что и мы.
— Что именно? — спросил Максим.
Он посмотрел на Елизавету.
— Шрам — это не слабое место.
Она вспомнила собственное сердце, белое платье и семнадцать минут тишины.
— Это место, которое уже однажды выдержало.

После завтрака Андрей лёг на узкую койку в комнате дежурного. Он утверждал, что не будет спать, но через несколько минут дыхание стало ровным.

Максим ушёл проверять записи наружных камер.

Елизавета осталась рядом.

Она сидела у окна и смотрела на трость, лежавшую возле кровати.

Во сне Андрей выглядел моложе. Исчезла привычная собранность, разгладились морщины между бровей. Иногда его пальцы сжимались, словно он снова удерживал руль на заснеженном мосту.

Елизавета поправила край одеяла.

Андрей открыл глаза.

— Я не спал.

— Конечно.

— Просто проверял внутреннюю сторону век.

— Результат?

— Темно.

Она улыбнулась.

— Отдыхай.

— Ты останешься?

Вопрос прозвучал почти беззащитно.

Елизавета перевела на него взгляд.

— Останусь.

Он снова закрыл глаза.

Через несколько минут рука Андрея расслабилась.

Елизавета осторожно коснулась его пальцев.

Теперь она понимала: чужие шрамы страшны не потому, что напоминают о боли.

Страшнее увидеть в них собственные.

И впервые не захотеть отступить.

Глава 29

Первая попытка

Не каждый шаг обязан привести, Порой важнее просто оттолкнуться.

Первую попытку Андрей сделал на следующее утро.

Никто не успел его остановить.

Елизавета вошла в тренировочный зал и увидела, что он стоит между параллельными брусьями. Чёрная трость лежала на скамье. На повреждённой ноге был закреплён ортез, свежая повязка скрывалась под спортивными брюками.

Максим находился рядом.

— Что вы делаете? — спросила Елизавета.

Андрей взглянул на неё.

— Выполняю договор.

— После травмы прошло меньше суток.

— Уже больше.

— На двадцать минут.

— Значит, формально я прав.

Елизавета перевела взгляд на Максима.

— А вы почему разрешили?

— Не разрешал.

— Но стоите рядом.

— Чтобы поймать, когда упадёт.

— Очень профессионально.

— У нас школа спасателей, а не школа запретов.

Она подошла к Андрею.

— Боль?

— В покое почти нет.

— При нагрузке?

— Сейчас узнаем.

— Это не обследование, а упрямство.

— Ты сама сказала, что я способен пройти несколько шагов.

— До того, как Тарасов ударил нашу машину.

— Он и рассчитывает, что я снова начну бояться ноги.

— Не превращай медицинскую рекомендацию в победу над Тарасовым.

Андрей взялся за брусья.

— Одна попытка.

— Под контролем.

— Разумеется.

— Если боль усилится — сразу прекращаем.

— Хорошо.

— Не «постараюсь», не «посмотрим». Прекращаем.

— Да, доктор Морозова.

— И не улыбайся.

— Это тоже противопоказано?

Елизавета встала справа. Максим занял место слева.

— Перенесите вес на здоровую ногу, — сказала она. — Повреждённую только обозначаем. Не пытайтесь доказать, что можете больше.

— Перешла на «вы»?

— С пациентами — всегда.

— Вчера не переходила.

— Вчера ты был невыносим.

— Сегодня лучше?

— Пока нет.

Андрей выпрямился.

Пальцы крепко сжали металлические поручни. Он перенёс вес вперёд и сделал первый шаг.

Правая нога коснулась пола.

Мышцы дрогнули.

Елизавета внимательно следила за положением таза и колена.

— Не заваливай корпус.

— Стараюсь.

— Ты уходишь влево.

— Потому что справа больно.

— Боль по десятибалльной шкале?

— Три.

— Честно?

— Пять.

— Уже лучше.

Второй шаг оказался короче.

На третьем Андрей остановился.

— Что?

— Прострел в бедро.

— Садимся.

— Пройдёт.

— Мы договорились.

— Не хочу заканчивать на трёх шагах.

— Почему?

— Потому что раньше проходил десять.

— До нового удара.

— Именно.

Елизавета положила ладонь ему на спину.

— Сегодняшние три шага не меньше прежних десяти.

— Математика сомнительная.

— Реабилитация не математика.

— Иногда именно математика, — вмешался Максим. — Угол, нагрузка, частота повторений.

— Не помогайте ему спорить.

— Я на вашей стороне.

— Не заметно.

Андрей глубоко вдохнул.

— Ещё один.

— Нет.

— Один.

— Зачем?

Он посмотрел на трость, лежавшую на скамье.

— Хочу понять, что могу остановиться не потому, что испугался.

Елизавета несколько секунд смотрела на него.

— Хорошо. Но этот шаг делаешь назад.

— Почему?

— Потому что возвращение тоже движение.

Андрей медленно перенёс вес. Колено дрогнуло, но выдержало.

Он сделал шаг назад.

Потом ещё один.

На последнем движении повреждённая нога подогнулась.

Елизавета успела обхватить его за талию. Максим поддержал за плечо.

Несколько секунд Андрей почти полностью опирался на неё.

— Стою, — выдохнул он.

— На мне.

— Всё равно стою.

— Садись.

Они помогли ему опуститься на скамью.

Андрей тяжело дышал. На висках выступил пот.

— Боль?

— Шесть.

— Отёк увеличился.

— Зато четыре шага.

— Три вперёд и два назад.

— Пять.

— Последний не считается. Ты падал.

— Ноги двигались.

Максим принёс холодный пакет.

— Для первой попытки достаточно.

— Это была не попытка, — сказал Андрей. — Я прошёл.

— С помощью, — уточнила Елизавета.

— Но прошёл.

Она присела перед ним и проверила чувствительность стопы.

— Пальцы чувствуешь?

— Да.

— Двигай.

Он выполнил.

— Новых неврологических симптомов нет, — сказала она. — Но сегодня больше никаких экспериментов.

— А завтра?

— Посмотрим.

— Теперь твоя очередь.

Елизавета поднялась.

— Мы говорили не о сроках.

— Говорили об одной попытке.

— Андрей, ты едва не упал.

— Но не упал.

— Потому что мы поймали.

— Значит, я тоже буду рядом.

Максим приложил холод к его колену.

— Я могу выйти, если разговор снова станет личным.

— Уже поздно, — сказала Елизавета.

— Тогда хотя бы сделаю вид, что не слушаю.

Андрей протянул руку к трости.

— Мы возвращаемся в город.

— Сегодня? — спросил Максим.

— Нужно проверить центр и зарегистрировать показания Маркова и Ракитиной.

— За рулём не сядешь, — сказала Елизавета.

— Я знаю.

— Я поведу.

— После вчерашнего?

— Вчера я вывела нас с дороги.

— Через сугробы, ветки и почти поваленное дерево.

— Но вывела.

— Возражений нет, — сказал Максим. — Я дам вам машину школы. Повреждённую оставим до ремонта.

— А вы? — спросила Елизавета.

— Останусь здесь. Нужно перенести документы и усилить охрану.

— Если Ирина появится...

— Немедленно сообщу.

— Она может снова испугаться.

— Поэтому встречу один.

Андрей взял трость и поднялся.

— Не один. Инструкторы должны быть рядом, но не показываться.

Максим кивнул.

— Сделаем.

Елизавета посмотрела на него.

— Берегите тетрадь.

— Двадцать один год берегу.

— Теперь она нужна не только вам.

— Знаю.

В центр «Второе дыхание» они вернулись после полудня.

Елизавета вела служебный автомобиль школы. Андрей сидел рядом, вытянув ногу и время от времени делая вид, что не испытывает боли.

— Можешь перестать проверять меня в зеркале, — сказал он.

— Я смотрю на дорогу.

— Боковым зрением считаешь, сколько раз я изменил положение ноги.

— Четыре.

— Пять.

— Значит, один раз пропустила.

— Профессиональная неудача.

— Дома наложу новый холод.

— В центре.

— Что?

— Я останусь в центре.

— Почему?

— Твоя квартира может находиться под наблюдением. Моя — тоже. В центре охрана, камеры и люди.

— Пациенты.

— Именно поэтому Тарасов не станет нападать открыто.

— В прошлый раз это его не остановило.

— Теперь резервное питание проверено, а у входа дежурит полиция.

— Ты поставил охрану?

— После погони оформил сообщение.

— Почему не сказал?

— Ты была занята моим шрамом.

Елизавета крепче сжала руль.

— Снова двусмысленно.

— Теперь уже намеренно.

У ворот центра их встретили два патрульных автомобиля.

Софья Круглова ждала в холле. Увидев Елизавету, она развернула кресло и подняла руку в знак приветствия.

— Где вы были?

— Работала.

— Два дня?

— Сложный выезд.

Софья заметила Андрея и его ортез.

— Кто кого лечил?

— Вопрос остаётся открытым, — ответил он.

— Вы попали в аварию?

— Небольшую.

Елизавета взглянула на него.

— В нас трижды врезался внедорожник.

— Для меня это небольшая авария.

— Теперь понимаю, почему у вас трость.

Софья улыбнулась.

— В центре всё спокойно. Только утром опять сработал датчик в зимнем саду.

— Какой датчик? — спросила Елизавета.

— На боковой двери. Охрана проверила — никого.

Андрей и Елизавета переглянулись.

— Записи камер сохранились? — спросил он.

— Да. Охранник сказал, что дверь открылась сама из-за ветра.

— Двери не открываются от ветра, — сказала Елизавета.

— Я тоже так подумала.

— Ты подходила?

— Нет. После прошлого отключения я туда одна не хожу.

— Правильно.

Софья посмотрела на одежду Елизаветы.

— Вы собираетесь ещё куда-то?

— Нет.

— Тогда почему в машине лежат коньки?

Елизавета замерла.

Возле задней двери служебного автомобиля действительно стояла синяя спортивная сумка.

— Это не мои.

— Наши, — сказал Андрей.

— Что?

— Максим положил экипировку из школы.

Елизавета открыла сумку.

Внутри лежала пара женских коньков почти нового вида, тёплые перчатки и записка:

«Договоры нужно выполнять. М. О.».

— Я его убью, — сказала она.

Андрей прочитал записку.

— После того, как научит меня ходить?

— Раньше.

— Тогда потеряем инструктора.

Софья переводила взгляд с одного на другого.

— Вы собираетесь кататься?

— Нет, — ответила Елизавета.

— Да, — одновременно сказал Андрей.

— Я не уверена.

— Поэтому это попытка.
Софья осторожно коснулась конька.
— В соседней спортивной школе сегодня свободен малый лёд. После восьми там никого не будет.
— Откуда знаешь?
— У нас там занятия по координации дважды в неделю.
— Ты ходишь на лёд?
— Только в обычной обуви. Физиотерапевт ставит дорожки.
Андрей закрыл сумку.
— Значит, место есть.
— Я не обещала сегодня.
— Я тоже не собирался сегодня вставать без трости.
— Сам виноват.
— Полностью.
Софья улыбнулась.
— Я могу договориться с администратором.
— Не нужно, — сказала Елизавета.
— Уже написала.
— Софья.
— Вы сами учите нас не откладывать первый шаг.
Елизавета посмотрела на девушку.
Собственные слова возвращались к ней со всех сторон.
— Хорошо, — сказала она. — Только никому больше.
— Никому.
— И без фотографий.
— Конечно.
— Если увижу телефон...
— Оставлю здесь.
Андрей взял спортивную сумку.
— В восемь?
Елизавета не ответила.
Но сумку не забрала.
Малый лёд находился в отдельном корпусе спортивной школы. Администратор оставил им ключ и выключил освещение на трибунах. Горели только лампы над площадкой.
Арена была пустой.
Елизавета остановилась у входа.
Холод коснулся лица.
Запах резины, металла и льда пришёл раньше воспоминаний.
Она слышала далёкую музыку.
На самом деле в помещении было тихо.
— Можно уйти, — сказал Андрей.
Он стоял рядом на костылях. Трость осталась в машине.
— Ты прошёл свои шаги.
— Не ради сделки.
— Ради чего?
— Чтобы узнать, могу ли.
— Узнал?
— Пока нет.
Елизавета взглянула на белую поверхность.

Лёд был ровным, почти без следов. В центре отражались лампы.

— Я упала там, — сказала она.

— Не здесь.

— Для тела это одно место.

— Тогда покажи ему разницу.

Она села на скамью.

Руки не слушались. Первый шнурок пришлось завязывать дважды.

Андрей опустился рядом.

— Помочь?

— Нет.

— Хорошо.

Он не отвернулся, но и не смотрел на её пальцы. Просто сидел рядом.

Елизавета надела второй конёк.

— Максим угадал размер.

— Вероятно, спросил у Софьи.

— Они сговорились.

— Против тебя существует целая организация.

— Не смешно.

— Немного.

Она поднялась.

Лезвия качнулись на резиновом покрытии. Тело автоматически нашло равновесие.

Этот навык не исчез.

Он ждал.

Елизавета подошла к открытой калитке.

За ней начинался лёд.

Она положила ладонь на борт.

Сердце ускорилося.

— Дыши, — сказал Андрей.

— Я дышу.

— Слишком часто.

— Не командуй.

— Хорошо.

Она поставила правый конёк на лёд.

Холод словно поднялся по ноге и ударил в грудь.

Перед глазами вспыхнул белый потолок. Красная лампа. Чужие руки. Сигнал дефибрилятора.

Елизавета отступила.

— Не могу.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Ты попробовала.

— Я даже не вышла.

— Коснулась льда.

— Этого мало.

— Для кого?

Она посмотрела на него.

— Для меня.

— Тогда попробуй ещё раз. Но не ради того, чтобы проехать. Просто поставь ногу.

— Ты говорил, что можно уйти.

— Можно.

— А теперь уговариваешь.

— Потому что ты злишься не от страха. Ты злишься, что страх победил.

Елизавета снова взялась за борт.

Поставила правую ногу.

Потом левую.

Оба конька оказались на льду.

Она стояла в проёме, вцепившись в бортик.

— Я здесь, — сказал Андрей.

— Знаю.

— Не смотри в центр. Только на меня.

Она подняла глаза.

Андрей стоял на резиновом покрытии, опираясь на костыли. Лицо оставалось спокойным, но пальцы крепко сжимали рукоятки.

Он боялся не меньше неё.

Только не за себя.

Елизавета отпустила борт одной рукой.

— Сердце быстро бьётся.

— Ровно?

Она прислушалась.

— Да.

— Значит, работает.

— Ты снова повторяешь мои слова.

— Они полезные.

Она чуть согнула колени.

Тело вспомнило положение.

Перенос веса.

Наклон.

Движение стопы.

Елизавета осторожно оттолкнулась.

Коньки скользнули вперёд.

Всего на полметра.

Она снова схватилась за борт.

— Получилось, — сказал Андрей.

— Это не катание.

— А мои три шага — не марафон.

— Пять.

— Рад, что признаёшь.

Елизавета сделала ещё одно короткое движение.

Потом третье.

Расстояние до калитки увеличилось на два метра.

Она остановилась.

Дыхание стало слишком быстрым. По спине прошёл холод.

— Хватит, — сказал Андрей.

— Ещё немного.

— Ты сама учила останавливаться до того, как страх превратится в поражение.

— Я могу дальше.

— Знаю. Поэтому хватит.

Елизавета посмотрела на пустой лёд.

В центре площадки ей снова почудилось белое платье.
Но теперь девушка не падала.
Она просто стояла и ждала.
— Хорошо, — сказала Елизавета. — На сегодня хватит.
Она развернулась.
Обратное движение далось легче. Возле калитки Андрей протянул руку.
Елизавета взялась за неё.
Он помог ей сойти на резиновое покрытие.
Несколько секунд они стояли совсем близко.
— Ты вышла, — сказал Андрей.
— На три метра.
— Я прошёл пять шагов.
— Три с половиной.
— Значит, победила ты.
— Это не соревнование.
— Тогда оба проиграли.
— Почему?
— Потому что придётся пробовать снова.
Елизавета улыбнулась.
— Возможно.

В центр они вернулись около десяти вечера.
Пациенты уже спали. В коридорах горел приглушённый свет.
Андрей передвигался на костылях. Елизавета несла спортивную сумку.
— Нога болит? — спросила она.
— Терпимо.
— Это не цифра.
— Четыре.
— Честно?
— Пять.
— Уже лучше.

Они вошли в главный корпус.

Дежурный охранник поднялся им навстречу.

— Елизавета Дмитриевна, датчик в зимнем саду снова сработал.

— Когда?

— Десять минут назад.

— Камера?

— Изображение пропало на двенадцать секунд.

Андрей перестал улыбаться.

— Кто-нибудь входил?

— Боковая дверь была заперта. Внутри никого не нашли.

— Покажите запись.

На мониторе зимний сад выглядел пустым. Растения отбрасывали длинные тени, стеклянная крыша отражала свет.

В 21:47 изображение покрылось помехами.

На двенадцать секунд экран почернел.

Когда запись восстановилась, дальняя дверь была приоткрыта.

— До отключения она закрыта, — сказал Андрей.

— Да.

— После — открыта.

— Охрана проверила коридор. Никого.

Елизавета поставила сумку.

— Идём туда.

— Подожди полицию, — сказал Андрей.

— Они у центрального входа.

— Тогда позовём.

Двое сотрудников вошли в зимний сад первыми. Проверили пространство между растениями, служебную дверь и стеклянную галерею.

Никого.

Елизавета и Андрей вошли следом.

Внутри было тепло и влажно. На стекле лежал снег, под потолком тихо работала система полива.

Декоративная панель, за которой нашли первый конверт, оставалась на месте.

— Здесь, — сказала Елизавета.

На каменном полу виднелись влажные следы обуви.

Они начинались возле боковой двери и вели к дальней части сада.

Потом обрывались.

Андрей осветил фонарём между крупными листьями.

На ветке фикуса зацепилась серая шерстяная нить.

— От пальто? — спросила Елизавета.

— Или шарфа.

Они прошли дальше.

На скамье возле сухого фонтана лежала фотография.

Та самая старая фотография сотрудников «Авроры», копию которой Ирина принесла в центр.

Но теперь на обороте появилась новая надпись:

«Я рядом. Не доверяйте тому, кто первым предложит открыть дверь».

Ниже был нарисован маленький ключ.

Андрей осмотрел сад.

— Она была здесь десять минут назад.

— Почему не дождалась?

— Увидела кого-то.

За стеклянной дверью в конце галереи мелькнула тень.

Елизавета сделала шаг вперёд.

— Ирина?

Тень исчезла.

Они подошли к двери.

Она была заперта изнутри.

На ручке висела тонкая серая перчатка.

А под ней, на прозрачном стекле, кто-то написал пальцем одно слово:

«КЛЮЧ».

Глава 30

Зимний сад

*Под снегом сад хранит чужие тайны,
А тёплый свет не разгоняет тьму.*

Слово на стекле медленно исчезало.

Тёплый воздух зимнего сада высушивал след, оставленный пальцем. Сначала пропала буква «Ч», затем расплылись «Ю» и «Л».

Через минуту от слова «КЛЮЧ» осталось только мутное пятно.

Андрей сфотографировал стекло.

— Никому не прикасаться к ручке, — сказал он.

Сотрудник полиции натянул перчатки и осмотрел дверь.

Она вела в узкий технический коридор между зимним садом и старым лечебным корпусом. Этим проходом пользовались садовники и сотрудники инженерной службы. После реконструкции центра коридор закрыли.

— Дверь заперта с той стороны, — сообщил полицейский. — Замок старый, механический.

— Другой вход в коридор есть? — спросил Андрей.

— По плану должен быть возле котельной, — ответил охранник. — Но там много лет стоит металлический шкаф.

Елизавета посмотрела на серую перчатку, висевшую на ручке.

— Ирина оставила её специально.

— Почему думаешь, что это её перчатка?

— Она была в таких на записи.

— Цвет и форма совпадают. Но нужно проверить волокна и следы.

Андрей поместил перчатку в пакет.

Внутри обнаружилась небольшая бурая полоса.

— Кровь, — сказала Елизавета.

— Порез на ладони.

— Максим говорил, что она разбила стекло во время первого отключения.

— Рана могла снова открыться.

Елизавета оглядела зимний сад.

Ещё час назад она стояла на льду и пыталась убедить тело, что прошлое закончилось. Теперь ощущение холода вернулось, хотя в помещении было тепло.

Высокие растения образовывали зелёные стены. Между ними проходили узкие дорожки, скрытые от камер. Система полива тихо шипела под потолком. Капли падали на широкие листья и каменный пол.

Здесь легко было спрятаться.

И ещё легче — исчезнуть.

— Следы обуви, — позвал полицейский.

Возле сухого фонтана сохранились два разных отпечатка.

Первые были небольшими, с узким каблучком и почти стёртым рисунком подошвы. Они вели от боковой двери к скамье, где лежала фотография.

Вторые принадлежали мужчине.

Крупная обувь с глубоким протектором появилась возле декоративной панели и уходила к запертой стеклянной двери.

— Мужчина вошёл раньше или позже женщины? — спросила Елизавета.

Андрей присел, не опираясь на повреждённую ногу.

— Следы пересекаются. Здесь мужской отпечаток поверх женского.

— Значит, он шёл за ней.

— Вероятно.

— Тарасов?

— Размер подходит, но этого недостаточно.

— Он был в зимнем саду во время первого отключения.

— На записи он подходил к нише. Дальше камера погасла.

— И сегодня кто-то повторил тот же маршрут.

Андрей направил свет к декоративной панели.

Край был немного отогнут.

— Открывали недавно.

Полицейский снял панель.

За ней находилась узкая полость, где Ирина спрятала первый конверт. Теперь внутри было пусто.

На задней стенке кто-то написал карандашом:

«НЕ ОДНА».

— Что это значит? — спросила Елизавета.

— Может быть, Ирина пришла не одна.

— Или она не единственная свидетельница.

— Не будем гадать.

— Ты всегда это говоришь перед тем, как начать гадать сам.

— Я формулирую версии.

— Очень большая разница.

Андрей сфотографировал надпись.

Охранник подошёл с планшетом.

— Нашёл старый план. Технический коридор заканчивается возле седьмой палаты.

Елизавета подняла голову.

— Возле Софьи?

— Да. Между стеной палаты и комнатой персонала есть замурованная дверь.

— Она не отмечена на современных схемах.

— План до реконструкции.

Андрей увеличил изображение.

— Кто проводил реконструкцию?

— Фонд Карелина, — ответила Елизавета. — Здание передали центру пять лет назад.

«Аврора» оплатила часть ремонта как благотворительный проект.

— Значит, у Тарасова могли остаться старые ключи и планы.

— И доступ к охранной системе.

— Откуда он узнал, что датчик сработал сегодня?

Елизавета перевела взгляд на охранника.

— Вы сообщали фонду?

— Нет. Только вам и полиции.

— Система передаёт сигналы наружу?

— После первого отключения мы отключили удалённое обслуживание.

— Уверены?

— Мне так сказал инженер.

— Какой инженер?

—

Представитель
компании,
устанавливавшей оборудование.

— Название?

Охранник проверил документы в планшете.

— «Аврора-Секьюрити».

Андрей выпрямился.

— То есть после отключения систему проверяла компания, связанная с Карелиным.

— У нас договор технического обслуживания.

— Его нужно расторгнуть, — сказала Елизавета.

— Сначала выясним, какой доступ они сохранили, — ответил Андрей.

Со стороны главного коридора раздался голос.

Один из полицейских вошёл в зимний сад.

— Елизавета Дмитриевна, прибыл начальник безопасности фонда. Говорит, его вызвала автоматическая система.

— Имя? — спросил Андрей.

— Олег Тарасов.

Елизавета посмотрела на фотографию в прозрачном пакете.

«Не доверяйте тому, кто первым предложит открыть дверь».

— Впустите его только до входа в сад, — сказал Андрей. — Сопровождение не снимать.

Через минуту появился Тарасов.

На нём было тёмное пальто и чёрные кожаные перчатки. За ним шли двое сотрудников частной охраны. Полицейские остановили их у двери.

— Что здесь произошло? — спросил Тарасов.

— Сработал датчик, — ответила Елизавета. — Откуда вы узнали?

— Сигнал поступил в резервный центр мониторинга.

— Удалённый доступ должен быть отключён.

— Видимо, ваши сотрудники не завершили перенастройку.

— Или ваша компания сохранила канал намеренно, — сказал Андрей.

Тарасов посмотрел на него.

— Следователь Лавров. Снова рядом.

— Вас это удивляет?

— После аварии на лесной дороге я ожидал увидеть вас в больнице.

В зимнем саду стало тихо.

— Откуда вам известно об аварии? — спросил Андрей.

Тарасов не изменился в лице.

— Фонд получил сообщение о повреждении служебного автомобиля школы спасателей.

— У фонда нет отношения к школе.

— Мы сотрудничаем с несколькими добровольческими организациями.

— Назовите человека, сообщившего вам.

— Не помню.

— Вы очень быстро забываете важные имена.

— В отличие от вас, я не веду допрос.

— Уже ведёте.

Елизавета посмотрела на правую фару автомобиля, которую видела на мосту, и мысленно совместила её с лицом Тарасова за рулём.

— Вы были там, — сказала она.

- Где?
- На мосту.
- У вас стресс после аварии. Память может создавать ложные образы.
- Я видела вас.
- Тогда сообщите полиции.
- Уже.

Тарасов перевёл взгляд на запертую дверь.

- Технический коридор нужно открыть.
- Зачем? — спросил Андрей.
- Чтобы проверить систему и убедиться, что внутри никого нет.

Он достал из кармана связку ключей.

- У меня сохранился универсальный ключ от старых помещений.

Елизавета почувствовала, как смысл предупреждения Ирины складывается окончательно.

Первым предложил открыть дверь Тарасов.

- Нет, — сказала она.
- Это вопрос безопасности пациентов.
- Вы не прикаснётесь к замку.
- Центр пользуется оборудованием фонда.
- Центр принадлежит не фонду.
- Пока.

Андрей сделал шаг вперёд.

- Уберите ключи.
- На каком основании?
- Помещение является частью места возможного проникновения. Следы зафиксированы не полностью.

- У вас нет постановления на ограничение доступа.
- Есть согласие собственника.

Елизавета встала рядом с Андреем.

- Я запрещаю вам открывать дверь.

Тарасов медленно убрал связку.

- Ирина Белова была здесь?
- Почему вы решили, что речь о ней?
- Вы сами разыскиваете эту женщину.
- Ответьте, — сказал Андрей. — Откуда знаете, что она связана с сигналом?
- Она проникла в центр во время прошлого отключения.
- Которое организовали вы.
- Обвинение без доказательств.
- Доказательства появляются.

На лице Тарасова впервые возникло раздражение.

— Белова нестабильна. Она много лет преследует сотрудников «Авроры», обвиняя их в смерти пациентов, которые живы.

- Один из этих пациентов стоит перед вами, — сказала Елизавета.
- Именно. Вы живы.
- Не благодаря вам.
- Клиника оплачивала ваше лечение.
- После того как едва не убила.
- Осторожнее со словами.
- Почему? Снова отключите свет?

Тарасов сжал правую руку.

Кожаная перчатка натянулась на пальцах.

— У вас нет представления, что произошло в две тысячи четвёртом году.

— Зато у вас есть шрам от ожога.

Он замер.

— Что?

— На правой кисти. Женщина из лаборатории видела человека с таким ожогом, когда забрали ампулу И-семнадцать.

Тарасов посмотрел на Андрея.

— Это официальный допрос?

— Пока вопрос.

— Тогда я не обязан отвечать.

— Но можете показать руку, — сказала Елизавета.

— Я не участвую в вашем спектакле.

Он развернулся.

Андрей встал у выхода.

— Перед уходом оставьте универсальные ключи.

— Они принадлежат фонду.

— Один из них может подходить к замку, через который проник неизвестный.

— Хотите изъять — оформляйте.

— Оформим.

Тарасов снял правую перчатку, чтобы достать документы.

На тыльной стороне кисти виднелся старый неровный ожог.

Точно такой, как описывала Анна со слов Галины Савельевой.

Елизавета смотрела на шрам.

Тарасов заметил.

— Производственная травма, — сказал он.

— Где получили?

— В молодости.

— В лаборатории?

— Я там никогда не был.

Андрей перевёл на него взгляд.

— Интересно. Мы не спрашивали, были ли вы в лаборатории.

Тарасов понял ошибку, но было поздно.

Он положил документы на стол.

— Можете фантазировать сколько угодно. Без ампулы ваши предположения ничего не стоят.

— Откуда вы знаете, что ампула не сохранилась? — спросила Елизавета.

Тарасов посмотрел ей в глаза.

— Потому что прошло двадцать один год.

— Для ответа вы слишком уверены.

— Я реалист.

— Нет. Вы человек, который проверяет, всё ли уничтожил.

Полицейский принял у него связку ключей и оформил изъятие.

Тарасов надел перчатку.

— Вы не понимаете, во что вмешиваетесь.

— Эту фразу я слышу всю жизнь, — сказала Елизавета. — Только раньше мне не объясняли почему.

— Иногда незнание действительно спасает.

— Меня спасло не незнание. Меня спас врач, который не выполнил ваш приказ. Тарасов посмотрел в сторону коридора.

— Карелин предлагал вам помощь.

— Контроль — не помощь.

— Когда центр лишится финансирования, вы вспомните эти слова.

— Уходите.

Он задержался ещё на секунду, затем вышел.

Частные охранники последовали за ним.

Андрей дождался, когда входная дверь центра закроется.

— Он знал про ампулу.

— И про аварию.

— Да.

— Почему ты не задержал его?

— Подозрения недостаточно. На мосту нет записи, номер закрыт, внедорожник может быть оформлен на другую компанию.

— Он уничтожит оставшиеся доказательства.

— Поэтому поставим наблюдение.

— Пока мы будем наблюдать, он найдёт Ирину.

— Она знает, как скрываться.

— В прошлый раз её нашли.

— Но она ушла.

Елизавета взглянула на запертую дверь.

— Куда ведёт коридор возле седьмой палаты?

— Сейчас проверим со стороны палаты.

Софья не спала.

Она сидела на кровати с включённой лампой и читала. Увидев Елизавету, Андрея и полицейского, отложила книгу.

— Что-то случилось?

— В зимнем саду снова была женщина, — сказала Елизавета. — Ты никого не видела?

Софья сжала край одеяла.

— Нет.

Андрей заметил движение.

— Софья, сегодня сюда кто-нибудь заходил?

— Медсестра.

— Кроме сотрудников.

— Нет.

Елизавета села рядом.

— Посмотри на меня.

Девушка неохотно подняла глаза.

— Ты боишься?

— Немного.

— Женщина угрожала тебе?

— Нет.

— Тарасов?

— Я его не видела.

— Тогда почему молчишь?

Софья перевела взгляд на дверь палаты.

— Здесь полиция.

— Они охраняют нас.

— Та женщина сказала, что нельзя верить людям только потому, что у них форма или удостоверение.

Андрей не обиделся.

— Разумный совет. Поэтому решать будешь сама.

— Что решать?

— Рассказывать или нет.

Елизавета взяла её за руку.

— Если Ирина была здесь, она ранена и может нуждаться в помощи.

Софья вздрогнула, услышав имя.

— Вы знаете, как её зовут?

— Ирина Белова.

— Она не сказала фамилию.

— Значит, приходила.

Девушка кивнула.

— Когда?

— Пока камера не работала. Свет не гас, но лампа над дверью моргнула. Потом из стены послышался звук.

— Из какой стены?

Софья указала на шкаф возле комнаты персонала.

За ним когда-то находился выход из технического коридора.

— Что произошло?

— Сначала я подумала, что таммышь. Потом шкаф немного сдвинулся. Она вышла из-за него.

— Ирина?

— Да. В сером пальто. Без одной перчатки. Рука была в крови.

— Почему не нажала кнопку вызова?

— Она попросила не делать этого.

— Что сказала?

— Что за ней идут.

— Куда она ушла?

— В коридор. Я дала ей свой запасной халат, чтобы пальто не было видно.
— Кто-нибудь видел?
— Не знаю.
— Она оставила что-то?
Софья опустила глаза.
— Да.
— Где?
— Спрятала.
— Что именно?
— Не знаю. Маленький свёрток.
— Почему не отдала сразу?
— Она сказала дожждаться вас. Лично вас. И чтобы рядом не было человека, который первым предложит открыть дверь.
Елизавета посмотрела на Андрея.
— Тарасов уже ушёл.
Софья всё ещё сомневалась.
— Андрей останется? — спросила она.
— Если ты ему доверяешь.
Девушка посмотрела на Лаврова.
— Он был рядом, когда отключили свет. Помогал выносить пациентов.
— Был, — подтвердила Елизавета.
— Тогда пусть останется.
Софья указала на шкаф. По её просьбе Дарья вынула коробку с перевязочными материалами и поставила на кровать. Софья сама раздвинула бинты и достала маленький свёрток.
Он был обернут марлей и перевязан серой ниткой.
Софья протянула его Елизавете.
— Она сказала, что это открывает не дверь.
— А что?
— То, что они закрыли двадцать один год назад.
Елизавета взяла свёрток.
Под марлей ощущался холодный металл.

— Откроем здесь? — спросил Андрей.
Елизавета посмотрела на дверь палаты.
— Нет. В моём кабинете. Под запись камеры и при свидетелях.
— Правильно.
Софья вернулась на кровать.
— Ирина жива?
— Была жива двадцать минут назад, — ответила Елизавета.
— Она сказала, что больше не сможет сюда прийти.
— Почему?
— Потому что Тарасов понял, как она проходит через старый коридор.
Андрей подошёл к шкафу.
— Коридор нужно немедленно проверить.
— Она просила сначала открыть свёрток, — сказала Софья.
— Почему?
— Там что-то, что поможет её найти.
Елизавета сжала марлю в ладони.
Ирина снова исчезла.
Но на этот раз оставила после себя не фотографию и не предупреждение.
Она оставила ключ.

Глава 31

Ключ

*Не каждый ключ придуман для замка,
И не за каждой дверью ждёт свобода.*

Свёрток открывали в кабинете Елизаветы.

Андрей установил на столе две камеры. Одна снимала общий план, вторая — руки и содержимое упаковки. Рядом находились двое полицейских и дежурная медсестра центра.

Софья сидела у окна.

— Я тоже должна остаться, — сказала она.

— Почему? — спросила Елизавета.

— Ирина передала свёрток мне. Если потом кто-то скажет, что внутри было другое, я подтверждаю.

Андрей посмотрел на девушку.

— Правильно.

— Вы удивлены?

— Немного.

— Елизавета Дмитриевна учит нас защищать свои решения.

Елизавета едва заметно улыбнулась.

— Иногда мои слова возвращаются слишком быстро.

На столе лежал пакет с серой перчаткой, фотография из зимнего сада и свёрток, перевязанный ниткой.

Андрей включил запись.

— Двадцать третье декабря две тысячи двадцать пятого года. Время — двадцать три часа двенадцать минут. Производится осмотр предмета, переданного Софьей Кругловой Елизавете Морозовой со слов Ирины Беловой.

Он назвал всех присутствующих.

— Софья, опишите, как получили свёрток.

— Женщина вышла из старого технического коридора возле моей палаты. У неё была повреждена ладонь. Она достала свёрток из внутреннего кармана халата и попросила передать Елизавете Дмитриевне после того, как мужчина с ключами уйдёт из центра.

— Она назвала мужчину?

— Нет. Сказала: «Первым открыть дверь предложит тот, кто больше всех боится того, что за ней».

— Вы видели содержимое?

— Нет.

— Кто-нибудь прикасался после передачи?

— Только я. Спрятала под бинтами.

— Свёрток всё время находился в палате?

— Да.

Андрей надел перчатки.

— Начинаем осмотр.

Он осторожно разрезал серую нитку и развернул марлю.

Внутри лежал старый латунный ключ.

Он был небольшим, с коротким стержнем и круглой головкой. Металл потемнел от времени, в углублениях сохранился зеленоватый налёт.

На одной стороне головки выгравировали ветку с двумя листьями.

На другой — цифры:

«12—17».

— Не похоже на ключ от обычной двери, — сказал один из полицейских.

— Короткий стержень, нестандартные зубцы, — ответил Андрей. — Скорее от шкафа, кассы или технического механизма.

Елизавета взяла фотографию.

На обороте рядом со словом «КЛЮЧ» Ирина нарисовала похожую ветку.

— Символ совпадает.

— Значит, рисунок указывает не только на предмет, — сказал Андрей. — Возможно, на место.

Софья наклонилась вперёд.

— Я видела такую ветку.

— Где?

— В зимнем саду. На фонтане.

Все посмотрели на неё.

— На сухом фонтане возле скамьи есть металлическая табличка, — продолжила девушка. — Там два листа. Я протирала её во время занятий по мелкой моторике.

— Почему вы протирали фонтан? — спросил полицейский.

— Нам дают бытовые задания. Поливать растения, вытирать поверхности, пересаживать цветы. Это часть восстановления.

— Табличка открывается? — спросила Елизавета.

— Не знаю. Она вся зелёная от старости.

Андрей повернул ключ под светом.

— Налёт на металле похож на окисление меди. Если замок находился рядом с водой, всё сходится.

Под последним слоем марли обнаружилась узкая полоска бумаги.

На ней рукой Ирины было написано:

«Он открывает не дверь.

Вода ушла, но память осталась.

Не позволяйте фонду забрать сад».

Под текстом стояли те же цифры:

«12—17».

— Что они означают? — спросила Елизавета.

— Двенадцать участников, семнадцатый номер? — предположил Андрей.

— Мы пока не знаем, сколько было участников.

— Ирина написала «не одна» за панелью.

— Может быть, двенадцать — номер тайника.

— Или дата.

— Двенадцатый месяц, семнадцатое число, — сказала Софья. — День, когда взяли ампулу.

Елизавета перевела взгляд на неё.

— Ты запомнила?

— Вы говорили на кухне для персонала. Я случайно услышала.

— Это не та информация, которую стоит обсуждать с пациентами.

— Я уже внутри этой истории.

Андрей кивнул.

— К сожалению, она права.
Он поместил ключ в прозрачный пакет.
— Сначала проверим технический коридор. Потом фонтан.
— Почему не сразу фонтан? — спросила Елизавета.
— Потому что Ирина прошла через коридор с кровоточащей рукой. Там могут остаться следы и объяснение, куда она ушла.
— За это время Тарасов может вернуться.
— У входа полиция. Связка его ключей изъята.
— У него наверняка есть копии.
— Поэтому никто не входит в зимний сад без сопровождения.
Елизавета посмотрела на старый ключ.
Предмет казался слишком маленьким для тайны, которая разрушила столько жизней.
— Ирина хранила его двадцать один год?
— Возможно, — сказал Андрей. — Или нашла недавно.
— Почему не открыла тайник сама?
— Потому что понимала: документ, найденный ею, попытаются объявить подделкой.
Если тайник вскроют при свидетелях и под камерами, происхождение будет легче подтвердить.
— Она всё продумала.
— Она двадцать один год готовилась.

Чтобы попасть в старый технический коридор, пришлось отодвинуть тяжёлый шкаф возле седьмой палаты.

За ним обнаружилась узкая металлическая дверь, покрашенная в цвет стены. Ручку сняли во время реконструкции, но замок сохранился.

Один из ключей Тарасова подошёл.

— Он знал об этом проходе, — сказала Елизавета.

— Или сохранил ключ от всех старых помещений, — ответил Андрей.

— Это одно и то же.

Полицейский открыл дверь.

Из темноты потянуло сыростью.

Коридор был настолько узким, что двое людей едва могли разойтись. По стенам шли трубы отопления и полива. На полу лежала пыль, нарушенная свежими следами.

Ирина прошла здесь босиком.

Отпечатки начинались возле зимнего сада и заканчивались у палаты Софьи. Рядом виднелись небольшие капли крови.

— Почему босиком? — спросила Елизавета.

— Сняла обувь, чтобы не было слышно шагов, — ответил Андрей.

В нише лежали женские ботинки с узким каблуком.

— Те же, что оставили следы в саду.

Возле ботинок нашли обрывок белой ткани.

Софья узнала материал.

— Это мой запасной халат.

— Значит, Ирина надела его поверх одежды и вышла в общий коридор, — сказал Андрей.

— Камеры должны были зафиксировать.

Они вернулись в комнату охраны.

На записи после отключения появилась женщина в медицинском халате. Она шла медленно, немного согнувшись, и держала правую руку в кармане.

Лицо скрывала одноразовая маска.

Возле лестницы женщина остановилась.

Навстречу ей прошёл сотрудник полиции, не обратив внимания.

Потом она вышла через служебную дверь вместе с санитаркой, выносившей пакеты с бельём.

— В двадцать один пятьдесят две она покинула центр, — сказал Андрей.

— На улице её могла ждать машина.

— Камера парковки?

Охранник переключил запись.

Женщина вышла из здания, прошла вдоль стены и скрылась за хозяйственным корпусом. Через минуту оттуда выехал старый светлый автомобиль.

Номер оказался виден.

Андрей записал.

— Проверю владельца.

Ответ пришёл быстро.

Машина принадлежала частной службе такси. Водитель подтвердил поездку, но пассажирка попросила высадить её возле круглосуточной аптеки в центре города.

После этого след снова исчезал.

— По крайней мере, она ушла от Тарасова, — сказала Елизавета.

— Если он не следил за такси.

— Она оставила ключ. Значит, ожидала, что мы найдём тайник.

— И, возможно, знала: после этого ей больше не придётся возвращаться сюда.

Они снова вошли в зимний сад.

Сухой фонтан находился в дальней части помещения. Когда-то вода стекала по трём каменным чашам, но во время реконструкции систему отключили. Теперь в нижней чаше стояли горшки с папоротником.

Софья указала на потемневшую металлическую табличку.

На ней была изображена ветка с двумя листьями.

Под рисунком сохранилась дата:

«2004».

— Этот фонтан установили в год программы, — сказала Елизавета.

— Кто? — спросил Андрей.

Охранник проверил старую инвентарную карточку.

— Благотворительный фонд «Аврора». Объект назывался «Сад восстановления».

— Карелин любил красивые названия, — произнесла Елизавета. — Особенно для мест, где скрывал уродливые вещи.

Полицейские убрали горшки.

В центре чаши находилась круглая латунная деталь, похожая на слив. Под слоем минерального налёта едва различалась узкая замочная скважина.

Ключ подошёл.

— Не поворачивать, — сказал Андрей.

— Почему?

— Сначала фиксируем состояние.

Они сфотографировали чашу, скважину и положение ключа. Проверили нижнюю часть фонтана, трубы и пространство вокруг на наличие проводов.

Ничего опасного не обнаружили.

— Теперь можно, — сказал Андрей.

Елизавета взялась за ключ.

— Почему я?

— Ирина передала его тебе.

— Через Софью.

— Но предназначался он тебе.

Металл сопротивлялся.

Елизавета повернула сильнее.

Внутри механизма что-то щёлкнуло.

Круглая деталь поднялась на несколько миллиметров.

Андрей помог поддеть её инструментом.

Под сливом оказался узкий металлический колодец. Внутри, на глубине около полуметра, лежал герметичный цилиндр.

Полицейский извлёк его щипцами.

Корпус был покрыт следами извести, но крышка оставалась целой. На боку стояла маркировка:

«ЗС-12».

— Зимний сад, тайник двенадцать? — предположила Софья.

— Возможно, — ответил Андрей.

— А семнадцать на ключе?

Елизавета посмотрела на цилиндр.

— Для участницы И-семнадцать.

Открывать находку решили в кабинете.

Цилиндр поместили в коробку, опечатали и перенесли под запись камер. Андрей зафиксировал путь от фонтана до стола без остановок.

Крышку пришлось долго очищать от налёта.

Внутри находились три водонепроницаемых пакета.

Первый содержал сложенный лист бумаги.

На лицевой стороне стояло:

«ПРОГРАММА «ИМПУЛЬС».

ЗАКРЫТАЯ ГРУППА.

ДЕКАБРЬ 2004 ГОДА».

Второй пакет был меньше. На нём рукой Ирины написано:

«Копии первичных назначений. Не все».

Третий представлял собой плотный конверт с красной полосой.

«И-17. ОРИГИНАЛ ИСХОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ».

Елизавета потянулась к нему.

Андрей остановил её.

— По очереди.

— Там моя кардиограмма.

— Возможно.

— Мы искали её.

— И нашли. Но сначала нужно зафиксировать каждый пакет и проверить пломбы.

— Андрей...

— Елизавета, если открыть неправильно, Карелин скажет, что мы вложили документ сами.

Она убрала руку.

— Хорошо.

Софья посмотрела на первый пакет.

— Что в списке?

Андрей вскрыл его по верхнему краю.

Внутри лежала таблица.

Первый столбец назывался:

«Код участника».

Второй:

«Фамилия, имя».

Третий:

«Вид спорта».

Четвёртый:

«Реакция на препарат».

Елизавета увидела свою фамилию в середине страницы:

«И-17. Морозова Елизавета».

Выше и ниже находились другие имена.

Андрей быстро просмотрел строки.

— Сколько? — спросила Софья.

Он пересчитал.

— Двенадцать.

— Двенадцать участников программы?

— Да.

— И всем вводили препарат?

Андрей посмотрел на третий столбец.

— Судя по таблице — да.

Елизавета взяла лист за края.

Рядом с несколькими фамилиями стояли красные отметки.

«Выраженная аритмия».

«Потеря сознания».

«Судорожная реакция».

«Госпитализация».

— Я была не первой, — сказала она.

— Нет, — ответил Андрей.

— Они знали о реакции до моей инъекции.

— Если даты подтвердятся — знали.

— И всё равно продолжили программу.

В нижней части страницы находилась подпись Рудина.

Рядом — резолюция Карелина:

«Продолжить наблюдение. Внешние обращения не регистрировать».

Елизавета перечитала резолюцию.

— «Внешние обращения не регистрировать».

— Прямое указание скрывать осложнения, — сказал Андрей.

— Этого достаточно?

— Для начала полноценного расследования — более чем.

— А для обвинения Карелина?

— Нужна экспертиза подписи, подтверждение подлинности бумаги и показания участников.

— Через двадцать один год.

— Если они живы.

Елизавета снова посмотрела на список.

Некоторые фамилии казались знакомыми. Чемпионы юношеских соревнований.

Спортсмены,

внезапно завершившие карьеру. Люди, о которых она когда-то читала в газетах.

У одной строки стояла отметка:

«Выбыл после второго введения».

У другой:

«Переведён в другое учреждение».

Возле третьей:

«Контакт с семьёй прекращён».

— Что произошло с ними? — спросила Софья.

— Узнаем, — ответила Елизавета.

Андрей взял телефон.

— Начну проверять фамилии.

— Не звони никому сразу.

— Почему?

— Если Тарасов следит за семьями, мы предупредим его.

— Сначала установим адреса и статус.

— И найдём Ирину.

Внутри цилиндра осталась ещё одна записка.

Елизавета развернула её.

«Если вы читаете список, значит, сад ещё принадлежит вам.

Не верьте отметкам о смерти, отъезде и отказе от показаний.

Карелин менял не только медицинские карты.

Одна из двенадцати фамилий приведёт вас к исходной плёнке.

Одна — ко мне.

Ирина Белова».

Елизавета взглянула на закрытый конверт с красной полосой.

На нём было написано, что внутри находится оригинал её исследования.

Но Ирина утверждала, что к исходной плёнке ещё только предстояло прийти.

— Здесь не кардиограмма, — сказала она.

— Почему? — спросил Андрей.

— Это следующая подсказка.

Он осмотрел конверт.

— Не будем открывать без специалиста по документам.

— Значит, сначала фамилии.

Андрей положил список под камеру.

Двенадцать строк.

Двенадцать участников.

Двенадцать семей, которым могли рассказать чужую версию.

Елизавета коснулась своей фамилии.

Двадцать один год она считала себя единственной.

Теперь выяснилось, что рядом с ней всегда находились ещё одиннадцать человек.

Просто каждый молчал в одиночку.

Глава 32

Двенадцать фамилий

*У списка нет голоса.
Но иногда молчание двенадцати человек звучит громче
признания.*

Список лежал на столе Елизаветы под прозрачной плёнкой пакета для вещественных доказательств.

Два листа пожелтевшей бумаги, двенадцать строк, несколько столбцов, подписи и красные отметки на полях. На первый взгляд — обычный медицинский документ из давно закрытого учреждения. Но чем дольше Елизавета смотрела на него, тем сильнее чувствовала, что перед ней не таблица.

Перед ней были люди.

Двенадцать молодых спортсменов, которых когда-то собрали в одну группу, присвоили им номера и начали проверять, сколько выдержат их сердца.

За окнами центра медленно падал снег. В зимнем саду уже погасили большую часть света, и лишь аварийные лампы оставляли на стеклянных стенах бледные отражения. Сухой фонтан снова выглядел безобидным. Никто из проходивших мимо пациентов не догадался бы, что ещё час назад в его основании нашли металлический контейнер, пролежавший там больше двадцати лет.

Софья сидела в кресле у двери кабинета, обхватив себя руками.

— Вы теперь найдёте Ирину? — спросила она.

— Постараемся, — ответила Елизавета.

— Она была очень напугана.

— Поэтому ты никому не должна рассказывать, что она передала тебе.

— Даже медсёстрам?

— Особенно тем, кого ты плохо знаешь.

Софья кивнула, но не ушла.

— Елизавета Дмитриевна...

— Да?

— Она ведь не хотела причинить мне вред?

— Нет. Думаю, она пыталась защитить тебя. И нас тоже.

Девушка опустила взгляд.

— Тогда найдите её раньше, чем они.

Слово «они» прозвучало слишком взрослым для восемнадцатилетней девушки.

Елизавета подошла к ней, поправила край больничного халата и коснулась её плеча.

— Иди в палату. Дверь на ночь не запирай, но никому не открывай, пока не услышишь голос дежурной медсестры. Я попрошу поставить возле коридора охрану.

— Вашу охрану или Карелина?

Елизавета замерла.

— Нашу, — твёрдо сказала она. — Только нашу.

Когда дверь за Софьей закрылась, Андрей повернул ключ в замке.

Его трость стояла у стены. Сам он сидел рядом со столом, вытянув травмированную ногу. После погони боль усилилась, но он ни разу не пожаловался. Только движения стали медленнее, а лицо — бледнее.

— Она права, — сказал он. — Если Белова ранена и прячется, времени у нас немного. Елизавета вернулась к столу.

— Сначала фамилии.

— Сначала копии.

Он достал телефон, сфотографировал каждый лист, затем отправил изображения в защищённое хранилище.

— Если оригиналы исчезнут, у нас останутся цифровые версии. Максим тоже получит копию, но без адресов и личных данных.

— Ты всё ещё думаешь, что кто-то может войти сюда?

Андрей перевёл взгляд на дверь.

— Тарасов уже вошёл в центр во время отключения света. Нашёл технический коридор. Добрался до зимнего сада. И появился здесь раньше полиции после срабатывания сигнализации.

— Тогда почему он не забрал контейнер?

— Потому что не знал, где именно он спрятан. Или не знал, что ключ находится у Софьи. Елизавета провела пальцем над первой строкой, не касаясь плёнки.

В верхней части листа было напечатано:

ПРОГРАММА «ИМПУЛЬС». ЗАКРЫТАЯ ГРУППА. ДЕКАБРЬ 2004 ГОДА.

Ниже шли номера участников.

Не имена.

Имена были вписаны от руки позже — аккуратным женским почерком.

Вероятно, рукой Ирины Беловой.

Андрей открыл ноутбук.

— Читай.

Елизавета начала с первой строки:

— И-06. Антон Руденко. Девятнадцать лет. Самбо.

Андрей ввёл имя в поисковую систему закрытой полицейской базы.

— В официальной карточке программы: «Добровольный отказ от дальнейшего участия». Через три года погиб в автомобильной аварии.

— Настоящая авария?

— Пока не знаю.
Следующая строка:
— И-07. Мария Левина. Семнадцать лет. Художественная гимнастика.
— По документам уехала с родителями в Германию в феврале две тысячи пятого.
— Можно проверить?
— Уже проверяю.
Он нахмурился, просматривая записи.
— Заграничный паспорт был оформлен. Но отметки о пересечении границы нет.
— То есть она никуда не уезжала?
— По крайней мере, под этим именем.
Елизавета почувствовала холод, хотя в кабинете было тепло.
— Дальше. И-08. Денис Карпов. Двадцать лет. Конькобежный спорт.
— Отчислен за нарушение режима. После две тысячи шестого следов нет.
— И-09. Светлана Юрева. Восемнадцать лет. Биатлон.
На полях напротив имени стояла первая красная отметка.
Елизавета наклонилась ближе.
— «Девятое декабря. Обморок после введения. Пульс сто восемьдесят. Восстановление четыре минуты».
Андрей перестал печатать.
— Это произошло за восемь дней до тебя.
— Они знали.
— Да.
— Уже тогда знали, что препарат влияет на сердце.
Он не ответил.
Ответ находился перед ними — в строке, выведенной красными чернилами.
Елизавета продолжила:
— И-10. Павел Лукин. Восемнадцать лет. Плавание. «Тремор, нарушение зрения, резкое падение давления».
— В официальной версии — пищевая интоксикация, — прочитал Андрей. — Госпитализация не зарегистрирована.
— Потому что внешние обращения запрещались.
Она вспомнила резолюцию Карелина на другом документе:
Продолжить наблюдение. Внешние обращения не регистрировать.
Строка, написанная человеком, который решал, чья боль будет считаться реальной, а чья — останется внутри стен «Авроры».
— И-11. Оксана Терехова. Девятнадцать лет. Лёгкая атлетика. Реакция не указана.
— По сведениям федерации, завершила карьеру из-за травмы колена. Жива. Сейчас пятьдесят... Нет, сорок один год. Зарегистрирована в Твери.
— Значит, её можно найти.
— Если адрес настоящий.
— И если она согласится говорить.
Андрей взглянул на неё.
— После двадцати лет молчания люди редко соглашаются сразу.
— Но хотя бы одна фамилия должна привести нас к исходной плёнке.
— Так написала Белова.
Елизавета перевела взгляд на следующую строку.
— И-12. Кирилл Зорин. Восемнадцать лет. Хоккей.
Красная отметка занимала почти всё поле.
Она прочитала вслух:

— «Двенадцатое декабря. Судороги. Желудочковая аритмия. Потеря сознания. Реанимационные мероприятия две минуты».

В кабинете стало тихо.

Даже шум вентиляции словно отдалился.

— За пять дней до моей остановки сердца, — сказала Елизавета.

Андрей поднялся, опираясь ладонью на край стола.

— И после этого они продолжили введения.

— Не просто продолжили. Они увеличивали номера доз.

Она посмотрела на обозначение препарата в третьем столбце. Почти у каждого участника стоял свой индекс: И-06, И-07, И-08...

Не номера людей.

Номера ампул или последовательных модификаций состава.

Елизавете досталась семнадцатая.

Последняя.

— Кирилл Зорин жив? — спросила она.

Андрей ввёл дату рождения.

Его лицо изменилось.

— Официально умер в две тысячи седьмом году.

— Причина?

— Внезапная остановка сердца во время любительского матча.

Елизавета закрыла глаза.

Восемнадцатилетний хоккеист пережил приступ в «Авроре». Его вернули в спорт, будто ничего не произошло. Через три года сердце остановилось окончательно.

— Они знали, — повторила она.

Теперь эти слова означали больше.

Они знали не только до неё.

Они знали после каждого введения.

Андрей медленно сел.

— Нам потребуются медицинские документы по всем умершим участникам. Свидетельства, протоколы вскрытия, вызовы скорой помощи.

— Если их не переписали.

— Даже поддельный документ оставляет след. Иногда именно подделка говорит больше всего.

Елизавета продолжила читать:

— И-13. Марина Волкова. Лыжные гонки. Двадцать лет. «Аритмия не подтверждена».

Рядом красным карандашом стояла маленькая буква «Л».

— Что это может значить? — спросил Андрей.

— Лаборатория. Или ложь.

— У Беловой могла быть своя система пометок.

— Марина жива?

Через несколько секунд он ответил:

— По официальным сведениям погибла в две тысячи десятом при пожаре в частном доме.

— Есть подтверждение личности?

— В карточке указано, что опознание проводилось по личным вещам. Генетической экспертизы не было.

— Ирина написала: «Не верьте отметкам о смерти».

— Значит, кто-то из официально погибших может быть жив.

Следующей строкой был И-14 — Сергей Антонов, девятнадцатилетний прыгун с трамплина. Его исключили из сборной за «нестабильное психоэмоциональное состояние». В базе не нашлось ни адреса, ни номера телефона, ни подтверждённой даты смерти.

И-15 — Виктор Беляев, велоспорт. После программы якобы добровольно уехал на лечение в Израиль.

Но Андрей снова не нашёл пересечения границы.

— Слишком много уехавших, — заметил он.

— И слишком мало тех, кого действительно видели после отъезда.

Он развернул ноутбук к Елизавете. На экране была таблица, которую он составлял по мере проверки:

Двенадцать участников.

Две подтверждённые смерти.

Одна неподтверждённая.

Три отъезда без пересечения границы.

Два исчезновения.

Один отказ от контактов.

И только несколько действующих адресов, которые ещё предстояло проверить.

— Они не просто меняли медицинские карты, — сказала Елизавета. — Они стирали людей.

— Или разбрасывали их по новым биографиям, чтобы никто не смог собрать группу обратно.

— Но Ирина собрала.

— Поэтому за ней охотятся.

Елизавета посмотрела на предпоследнюю строку.

Почерк там был знакомым.

Не потому, что она видела эти буквы раньше. Потому что имя, сложенное из них, принадлежало её прошлому.

— И-16, — тихо произнесла она. — Юлия Воронова. Восемнадцать лет. Фигурное катание.

Перед глазами возникла девушка с короткими светлыми волосами и неизменно красными варежками. Юлия смеялась громче всех в раздевалке, умела пародировать тренеров и всегда выходила на лёд последней, потому что боялась первой нарушить его идеальную поверхность.

В декабре 2004 года они делили один шкафчик.

И одну мечту попасть на чемпионат Европы.

— Ты её знала, — сказал Андрей.

— Мы тренировались вместе.

На полях напротив имени Юлии стояла красная запись:

«Тахикардия. Боль за грудиной. От введения следующей дозы отказалась».

Ниже другим почерком было дописано:

«Отстранить. Изолировать от группы».

— Я не помню, чтобы она участвовала в какой-то программе, — сказала Елизавета.

— А ты знала, что сама в ней участвуешь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

В памяти появились мелочи, прежде не связанные друг с другом.

Юлия, сидящая после тренировки на полу раздевалки.

Бледное лицо.

Красные варежки, прижатые к груди.

Стакан воды, который дрожал в её руке.

И слова тренера Ольги Леонидовны:

Перенервничала. Через день будет как новая.

— У неё был приступ, — прошептала Елизавета. — Я видела её после него. Но мне сказали, что она переутомилась.

— Когда это было?

— За несколько дней до моей остановки сердца. Может быть, четырнадцатого или пятнадцатого декабря.

Она заставила себя вспомнить дальше.

— Потом Юлия перестала приходить на тренировки. Ольга Леонидовна сказала, что родители срочно увезли её в Чехию. Позже мне передали, что она написала заявление об уходе из спорта.

— Передали кто?

— Не помню. Возможно, отец.

Андрей начал искать.

Юлия Воронова значилась выбывшей из сборной двадцатого декабря 2004 года — через два дня после остановки сердца Елизаветы.

Причина: переезд семьи за границу.

Однако ни Юлия, ни её родители в тот год Россию не покидали.

Ещё через девять месяцев Юлия сменила фамилию.

— Мельникова, — прочитал Андрей. — Юлия Сергеевна Мельникова. Смена фамилии зарегистрирована в сентябре две тысячи пятого.

— Она вышла замуж в девятнадцать лет?

— Нет. В графе основания — «по личному заявлению».

— Значит, она пыталась исчезнуть.

— Или ей помогли.

Андрей открыл ещё одну запись.

— В две тысячи восьмом получила новый паспорт в Вологодской области. Потом снова сменила место регистрации. Сейчас...

Он замолчал.

— Что?

— Сейчас Юлия Мельникова живёт в двухстах километрах отсюда. Работает преподавателем музыки в районной школе искусств.

Елизавета недоверчиво посмотрела на экран.

— Музыка?

— После две тысячи четвёртого никаких упоминаний о фигурном катании.

— Есть фотография?

Андрей открыл страницу школы.

На маленьком снимке стояла женщина в тёмно-синем платье. Светлые волосы стали длиннее, лицо — строже. Но взгляд остался прежним.

Елизавета узнала её сразу.

Юлия.

Живая.

Никуда не уехавшая.

Двадцать один год находившаяся всего в нескольких часах езды.

Андрей нашёл служебный номер школы и второй телефон, зарегистрированный на Юлию Мельникову.

— Звонить будем утром, — сказал он.

— Нет.

— Лиза, почти полночь.

— Если Тарасов понял, что мы открыли тайник, утром её может уже не быть.

Андрей не стал спорить.

Он набрал номер и включил громкую связь.

Гудки звучали долго.

На пятом вызов приняли.

— Да? — раздался женский голос.

Елизавета не смогла заговорить сразу.

Она помнила этот голос звонким и быстрым. Теперь он стал ниже, осторожнее, но в нём всё ещё оставалась та особенная хрипотца, появлявшаяся после долгих тренировок на холодном катке.

— Юлия Сергеевна? — спросил Андрей.

— Кто это?

— Меня зовут Андрей Лавров. Мне нужно поговорить с вами о программе «Импульс».

На другом конце воцарилась тишина.

Затем вызов оборвался.

— Она знает, — сказала Елизавета.

— Это ещё ничего не доказывает.

— Она не спросила, что это за программа.

Андрей снова набрал номер.

Телефон был выключен.

— Теперь она может уйти, — сказала Елизавета.

— Или уничтожить то, что хранила.

Елизавета отвернулась к окну.

В стекле отражались стол, список и их лица. За отражением падал снег, медленно скрывая следы на дорожках центра.

— Я должна поехать к ней.

— Ночью ты никуда не поедешь.

— Ты не можешь меня остановить.

— Могу сесть в твою машину. С моей ногой вытащить меня будет непросто.

Она обернулась.

На мгновение в его взгляде появилось почти незаметное тепло, но тут же исчезло. Андрей поднял телефон.

— Я предупрежу местное отделение. Пусть проверят дом, не приближаясь к нему.

— Если там люди Карелина?

— Тогда мы узнаем об этом раньше, чем войдём.

Телефон Елизаветы завибрировал.

Номер не определился.

Она посмотрела на Андрея и приняла вызов.

— Алло?

Сначала слышалось только дыхание.

Затем тот же женский голос спросил:

— Это правда вы?

У Елизаветы пересохло во рту.

— Кто?

— Лиза Морозова.

Никто не называл её так с юности.

— Да, Юля. Это я.

Женщина на другом конце всхлипнула, но сразу взяла себя в руки.

— Я видела вас по телевизору. Когда вы открыли центр. Хотела написать, но не смогла.

— Почему ты исчезла?

— Потому что мне сказали: если останусь рядом с вами, погибнет ещё кто-нибудь.

— Кто сказал?

— Ольга Леонидовна. Потом пришёл мужчина из службы безопасности. Молодой, с обожжённой рукой.

Тарасов.

В 2004 году ему было двадцать четыре. Достаточно, чтобы запугать девятнадцатилетнюю спортсменку и её родителей.

— Что произошло перед моим приступом? — спросила Елизавета.

— Тебе нельзя было выходить на лёд.

— Почему?

— У тебя была плохая кардиограмма.

Елизавета сжала телефон.

— Мне сказали, что кардиограмма была нормальной.

— Тебе показали другую.

Андрей придвинулся ближе.

— Откуда вы это знаете? — спросил он.

— Я видела обе. Сначала настоящую, потом ту, которую положили в карту.

— Где?

— В тренерской. Ольга Леонидовна спорила с доктором Рудиным. Я пришла за ключами от шкафчика и услышала их. Рудин сказал, что изменения незначительные. Что Морозова всё равно должна получить препарат, потому что её показатели нужны для завершения серии.

Елизавета почувствовала, как стены кабинета отдаляются.

— Что сделала Ольга Леонидовна?

— Попыталась забрать плёнку. Они поругались. Потом она отдала её мне.

— Тренер отдала тебе мою кардиограмму?

— Сказала спрятать до вечера. Она собиралась позвонить твоей матери и в федерацию.

— Но не позвонила.

— Не успела. После твоей остановки сердца её закрыли в кабинете. А меня увезли родители.

— Где плёнка сейчас?

Снова наступила тишина.

Елизавета слышала далёкий звук, похожий на проезжающую по мокрой дороге машину.

— Юля?

— Сегодня возле школы стоял чёрный автомобиль, — прошептала женщина. — Тот же, что приезжал к моему дому две недели назад.

Андрей быстро записал что-то на листе и уже набирал другой номер.

— Не выходите из дома, — сказал он. — Закройте двери. Не включайте свет у окон. Полиция будет у вас через несколько минут.

— Я не могу доверять полиции.

— Тогда доверьтесь Лизе.

Молчание длилось несколько секунд.

— Ты сохранила плёнку? — спросила Елизавета.

— Я долго думала, что из-за неё нас найдут. Несколько раз хотела сжечь. Но каждый раз вспоминала тебя на льду в то утро. Ты сказала, что после тренировки мы пойдём выбирать подарки к Новому году.

Елизавета закрыла глаза.

Она не помнила этого разговора.

Не помнила последнего утра до остановки сердца.

Но Юлия помнила за них обеих.

— Где она? — спросила Елизавета.

— Не дома. Я спрятала её там, куда человек Карелина не сможет войти без меня.

За окном центра снег стал гуще.

Андрей закончил короткий разговор с дежурным и показал Елизавете экран: наряд уже направлялся к дому Юлии.

— Мы приедем утром, — сказала Елизавета. — Ничего не предпринимай до нашего приезда.

— Лиза...

— Да?

Голос Юлии дрогнул.

— Они сказали, что ты умерла на семнадцать минут. А потом убедили всех, что это произошло случайно. Но это была не случайность.

Елизавета посмотрела на последнюю строку списка.

И-17. Елизавета Морозова. Фигурное катание.

Красным рядом было написано:

«Выраженная желудочковая аритмия. Остановка сердца. Внешний вызов произведён с нарушением протокола».

Ни слова о том, что помощь задержали.

Ни слова об уничтоженных ампулах.

Ни слова о людях, которые шесть минут решали, можно ли позволить ей жить.

— Я знаю, — ответила Елизавета.

— Нет. Пока ещё не всё.

— Что ты имеешь в виду?

Юлия глубоко вдохнула.

— На плёнке есть подпись врача и точное время. Её сделали до введения препарата. Если независимый кардиолог сравнит её с той, что лежит в твоей карте, станет ясно, что запись подменили.

— Ты уверена, что сохранился оригинал?

— Уверена.

На улице за окнами школы Юлии Мельниковой хлопнула дверца автомобиля.

Женщина испуганно замолчала.

— Юля? — резко позвала Елизавета.

Послышались быстрые шаги, щелчок замка и прерывистое дыхание.

Потом Юлия произнесла почти шёпотом:

— Настоящая кардиограмма у меня.

Связь оборвалась.

Глава 33

Настоящая кардиограмма

*Сердце не умеет давать ложные показания.
Лгут только люди, которые читают его след.*

Связь оборвалась так внезапно, что несколько секунд Елизавета продолжала держать телефон у уха.

— Юля! — позвала она. — Юля, ответь!

В динамике не было даже коротких гудков.

Только тишина.

Андрей уже говорил с дежурным районного отдела. Голос его стал ровным и сухим — таким, каким он, вероятно, отдавал распоряжения ещё до травмы, когда не нуждался в трости и мог сам первым войти в опасный дом.

— Наряд на месте через три минуты. Не включать сирену. Чёрный внедорожник, номер неизвестен. Женщина одна, возможна попытка проникновения... Да, оставьте линию открытой.

Он сбросил вызов и посмотрел на Елизавету.

— Звони ещё раз.

Она набрала номер Юлии.

Телефон оказался выключен.

Елизавета подошла к окну. За стеклом падал снег, скрывая дорожки, скамейки и тёмные кусты вокруг центра. Ей хотелось немедленно сесть в машину и ехать, не дожидаясь рассвета. Двести километров сейчас казались не расстоянием, а ещё одной стеной, выстроенной между ней и правдой.

— Мы теряем время, — сказала она.

— Полиция уже рядом с её домом.

— Ты уверен, что там не окажется человека Карелина?

— Ни в чём не уверен. Поэтому отправил сообщение не только в местный отдел.

— Кому ещё?

— Человеку, которому доверяю.

— У тебя остались такие люди?

— Несколько. Я тщательно их прячу.

Она обернулась.

Андрей попытался подняться, но боль пронзила ногу. Он едва заметно изменился в лице и опёрся ладонью о стол.

— Сядь, — сказала Елизавета.

— Я в порядке.

— Ты сейчас снова солжёшь врачу, что боль терпимая?

— Если врач перестанет принимать решения за пациента.

— Ты мой пациент.

— Уже нет.

— После того как ты решил пройти без трости между брусьями, а потом полез в погоню за Тарасовым, снова мой.

Он хотел возразить, но телефон в его руке завибрировал.

Андрей прочитал сообщение.

— Наряд прибыл. Дверь закрыта изнутри. Следов взлома нет. Чёрной машины возле дома тоже нет.

— А Юлия?

— Не отвечает.

Елизавета взяла со стула пальто.

— Я еду.

— До утра дороги заметёт.

— Значит, поеду медленно.

— Лиза.

— Не называй меня так.

Она произнесла это резче, чем хотела.

Так её называли отец, мать и люди из прежней жизни. Только что это имя прозвучало из уст Юлии — словно двадцать один год исчез в одно мгновение. Елизавета ещё не успела понять, что чувствует, услышав его от Андрея.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Хорошо. Елизавета Дмитриевна, — подчёркнуто официально произнёс он. — Сейчас вы останетесь в центре. Я свяжусь с районным следователем и выясню, что происходит. Утром мы поедем вместе.

— С твоей ногой?

— Я буду сидеть рядом и раздражать тебя разумными советами.

— Это у тебя получается лучше всего.

Телефон завибрировал снова.

На этот раз звонили с незнакомого номера.

Андрей включил громкую связь.

— Лавров.

— Андрей Михайлович? Капитан Седов, районный отдел. Мы у дома Мельниковой. Женина жива. Открыла нам дверь.

Елизавета выдохнула.

— Почему она не отвечала? — спросил Андрей.

— Говорит, испугалась и выключила телефон. Возле дома действительно стоял внедорожник. Сосед видел, как машина уехала за несколько минут до нашего появления.

— Номер?

— Снегом залепило. Запомнил только регион — местный.

— Дом осмотрели?

— Следов проникновения нет. Но на калитке нашли свежие царапины. Кто-то пытался открыть замок отмычкой.

Елизавета закрыла глаза.

Тарасов или его люди не знали, где находится кардиограмма. Пока не знали.

— Оставьте возле дома двоих, — распорядился Андрей. — И никого не впускайте до нашего приезда.

— Она не хочет оставаться там, — ответил капитан. — Просит отвезти её в школу.

Елизавета и Андрей переглянулись.

— Плёнка в школе, — тихо сказала она.

— Не спрашивайте её ни о каких документах, — продолжил Андрей. — Доставьте в отдел. Под охраной. Мы выезжаем на рассвете.

— Понял.

Когда разговор закончился, Елизавета медленно сняла пальто.

— Теперь можно дожидаться утра, — сказал Андрей.

— До рассвета ещё пять часов.

— У тебя есть кабинет, диван и медицинское образование. Попробуй соединить эти три обстоятельства.

— А ты?

— Проверю фамилии из списка.

— Ты тоже должен отдохнуть.

— Это приказ врача?

— Угроза.

Елизавета подошла к нему и опустилась на колени, чтобы осмотреть травмированную ногу. Андрей рефлекторно отстранился.

— Не надо.

— Почему?

— Не люблю, когда меня видят слабым.

Она подняла на него глаза.

— Я уже видела тебя на полу тренировочного зала. Видела, как ты не мог сделать шаг без брусьев. Видела шрамы. Поздно притворяться неуязвимым.

— Это не притворство.

— Тогда что?

Он помолчал.

— Привычка.

Елизавета осторожно провела пальцами по ткани брюк над коленом, определяя место наибольшей болезненности.

— Привычки меняются.

— Ты двадцать один год не выходила на лёд.

— И всё-таки вышла.

Андрей посмотрел на неё сверху вниз.

— Поэтому я и боюсь с тобой спорить.

Она почти улыбнулась, но в этот момент заметила, как дрогнула его рука.

— Сильный отёк. Тебе нужно сделать снимок.

— После поездки.

— До.

— Елизавета...

— Если утром ты не сможешь сесть в машину, я уеду одна.

Это подействовало.

Он сдался, позволив ей вызвать дежурного врача. Перед тем как выйти из кабинета, Андрей забрал пакет со списком двенадцати участников и спрятал в металлический сейф.

Красный конверт с надписью

«И-17. ОРИГИНАЛ ИСХОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» он оставил запечатанным.

Теперь они знали, что оригинал, возможно, существует.

И знали женщину, которая двадцать один год хранила его.

Открывать конверт без неё Елизавета не хотела.

Они выехали в шесть утра.

Снегопад закончился, но дорога была покрыта плотной серой кашей. По обочинам стояли фуры, переживавшие непогоду. Небо над Ладожинском медленно светлело, окрашивая горизонт в тусклый стальной цвет.

За рулём служебной машины сидел знакомый Андрея — майор Сергей Ковалёв. Он почти не разговаривал и не задавал вопросов. Лишь один раз уточнил:

— За нами следят?

Андрей посмотрел в боковое зеркало.

— Пока нет.

— Значит, следят хорошо.

Елизавета сидела на заднем сиденье рядом с Андреем. Его трость лежала между ними. Ногу после осмотра зафиксировали эластичным ортезом. Серьёзного повреждения снимок не показал, но врач запретил нагрузку.

Андрей, разумеется, обещал соблюдать рекомендации тем выражением лица, с которым люди обычно дают показания под принуждением.

— Когда мы заберём кардиограмму, что дальше? — спросила Елизавета.

— Передадим на независимую экспертизу.

— Карелин узнает.

— Он уже знает, что мы нашли список.

— Но может не знать о Юлии.

— После ночного звонка знает или скоро узнает.

— Значит, она больше не сможет вернуться к прежней жизни.

Андрей повернулся к ней.

— Прежней жизни у неё не было. Она двадцать один год меняла фамилии, города и работу. Прятала чужую кардиограмму внутри музыкальной школы. Это не жизнь, а отсроченный страх.

Елизавета перевела взгляд на заснеженные поля за окном.

— Я должна была найти её раньше.

— Ты не знала, что она осталась в стране.

— Можно было проверить.

— В восемнадцать лет ты пережила остановку сердца. Потом заново училась ходить, дышать без боли и жить без спорта, которому отдала всё детство. Ты не обязана была одновременно вести расследование.

— Но кто-то же должен был.

— Должны были взрослые, которые находились рядом. Твои родители. Тренер. Врачи. Следователи. Не ты.

Она промолчала.

Слишком долго Елизавета считала, что во всём, чего ей не удалось сделать, была только её вина. Не вернулась на лёд — не хватило смелости. Не простила родителей — не хватило великодушия. Не спросила, что произошло в «Авроре», — побоялась услышать правду.

Теперь выяснялось, что правду от неё не просто скрывали.

Её методично окружали ложью, пока единственной безопасной реальностью не стала тишина.

— О чём думаешь? — спросил Андрей.

— О том, сколько людей решали за меня.

— Больше не будут.

— Ты тоже постоянно пытаешься.

— Я не решаю. Я раздражаю разумными советами. Мы уже установили.

На этот раз она улыбнулась.

Совсем немного.

И только потом заметила, что её рука лежит на его трости.

А его пальцы — рядом.

Не касаясь её, но и не отдаляясь.

Юлия ждала их в районном отделе полиции.

Она сидела в маленькой комнате для посетителей, держа обеими руками бумажный стакан с остывшим чаем. На ней был серый свитер и тёмные брюки. Волосы она собрала на затылке, но несколько светлых прядей выбились и падали на лицо.

Когда Елизавета вошла, Юлия поднялась.

Они смотрели друг на друга через двадцать один год.

Ни одна не решалась сделать первый шаг.

— Ты почти не изменилась, — сказала Юлия.

Елизавета невольно коснулась короткой пряди у виска.

— Это неправда.

— Я не о лице.

Юлия поставила стакан на подоконник.

— Ты всё так жеходишь в комнату, будто перед тобой лёд и ты должна первой сделать на нём след.

— А ты всё так же стоишь у стены, чтобы при необходимости исчезнуть.

Юлия опустила глаза.

— Этому я научилась позже.

Елизавета приблизилась.

Ей хотелось спросить, почему Юлия молчала. Почему не пришла в больницу. Почему не отправила плёнку анонимно, не позвонила, не рассказала журналистам, не попыталась найти Максима.

Но, увидев её руки, Елизавета не произнесла ни одного из этих вопросов.

Пальцы Юлии дрожали.

Точно так же, как в раздевалке после введения препарата.

— У тебя до сих пор бывают приступы? — спросила Елизавета.

Юлия спрятала руки в рукава.

— Иногда. Врачи говорят, сердце здоровое. Это тревога.

— Ты лечилась?

— Первые годы. Потом перестала.

— Почему?

— Каждый врач напоминал Рудина.
Елизавета кивнула.

Некоторые травмы нельзя увидеть на снимке или кардиограмме. Они живут в паузе перед тем, как человек позволяет к себе прикоснуться.

Андрей остался у двери.

— Нам нужно забрать плёнку, — сказал он. — Желательно без лишних свидетелей.

— Она в школе, — ответила Юлия. — В старом рояле.

— Вы уверены, что её не нашли?

— Никто не знает о тайнике.

— Тарасов знает, что вы хранили документ.

— Он знает только, что Ольга Леонидовна что-то мне передала.

— Вы видели Тарасова возле дома?

— Не его. Другого мужчину. Но машина приезжала и раньше.

— Почему вы не обратились в полицию?

Юлия посмотрела на стены районного отдела.

— В две тысячи четвёртом мой отец обратился. На следующий день его уволили. Ещё через неделю у нас обыскали квартиру, якобы из-за заявления о краже спортивного инвентаря. Тогда я поняла: полиция приходит не только спасать.

Капитан Седов, стоявший в коридоре, услышал последние слова и отвернулся.

Андрей не стал убеждать её в обратном.

— Покажите рояль, — сказал он.

Школа искусств размещалась в старом двухэтажном особняке с высокими окнами и облупившимися колоннами. Занятия отменили под предлогом аварии отопления. У входа дежурили двое полицейских.

Внутри пахло деревом, пылью и канифолью.

Из-за

закрытых

дверей

кабинетов

выступали приглушённые силуэты пианино, пюпитров и виолончелей. Даже без учеников здание казалось наполненным музыкой, которая просто ждала, когда кто-нибудь коснётся клавиш.

Юлия провела их в актовый зал.

На сцене под чехлом стоял старый чёрный рояль.

— Его привезли из Дома культуры в две тысячи восьмом, — объяснила она. — Инструмент собирались списать. Я попросила оставить. У него плохой звук, поэтому на концертах его почти не используют.

Она поднялась на сцену и сняла чехол.

На чёрной лакированной поверхности остались мелкие царапины. Юлия открыла крышку, затем опустилась на колени и нащупала крепление под клавиатурой.

Андрей включил камеру телефона.

— С этого момента всё фиксируем непрерывно. Юлия Сергеевна, назовите дату и объясните, что вы делаете.

Она посмотрела в объектив.

— Двадцать четвёртое декабря две тысячи двадцать пятого года. Я, Юлия Сергеевна Мельникова, до две тысячи пятого года — Воронова, извлекаю документ, который получила от тренера Ольги Леонидовны Сазоновой восемнадцатого декабря две тысячи четвёртого года.

Елизавета вздрогнула.

— Восемнадцатого?

— Утром. До того, как тебе стало плохо на льду.

Юлия нажала на металлическую защёлку. Узкая деревянная панель под клавиатурой сдвинулась. За ней обнаружилась полость, недостаточно глубокая даже для книги.

Внутри лежал плоский чёрный футляр для нот.

Юлия достала его обеими руками.

— После переезда я хранила документ дома. Потом начались визиты. Кто-то дважды входил в квартиру, ничего не взяв. Тогда я принесла его сюда.

Она положила футляр на крышку рояля и раскрыла.

Внутри находилась толстая нотная тетрадь — произведения Рахманинова. Между страницами лежал конверт из плотной чёрной бумаги, заклеенный по краям пожелтевшей лентой.

На конверте рукой Юлии было написано:

«ЕЛИЗАВЕТА МОРОЗОВА. НЕ УНИЧТОЖАТЬ».

Елизавета смотрела на собственное имя.

Двадцать один год назад восемнадцатилетняя девушка написала эти слова, не зная, придётся ли когда-нибудь передать документ той, кому он принадлежал.

Андрей надел перчатки.

— Лента вскрывалась?

— Нет. Я только несколько раз проверяла, что конверт на месте.

— Вы можете подтвердить, что внутри?

— Длинная лента кардиограммы. Ольга Леонидовна показала мне фамилию и дату.

— Кто ещё видел документ после того, как вы его получили?

— Мои родители. Отец сделал две фотографии на плёночный фотоаппарат.

— Где фотографии?

— Негативы исчезли после обыска.

Андрей поместил конверт в прозрачный пакет, не вскрывая.

— Теперь нужен независимый врач.

— Он ждёт нас в Ладожинске, — сказал Андрей.

Юлия испуганно покачала головой.

— Я не поеду.

— Вы главный свидетель происхождения документа.

— Если я вернусь туда, они меня найдут.

Елизавета подошла к ней.

— Они уже нашли тебя.

— Поэтому я должна уехать ещё дальше.

— И снова ждать двадцать лет?

— Ты не понимаешь.

— Понимаю.

— Нет, Лиза. У тебя теперь центр, люди, которые тебя защищают, известное имя. А у меня только работа и маленький дом. Если я потеряю их, у меня ничего не останется.

— У тебя останешься ты.

— Это легко сказать.

— Мне понадобился двадцать один год, чтобы суметь это сказать.

Юлия отвернулась.

В пустом зале было слышно, как ветер царапает снежной крупой высокие окна.

— Я не прошу тебя стать героем, — продолжила Елизавета. — Не прошу выступать перед камерами или идти к Карелину. Но плёнка без твоего рассказа останется старой бумагой, которую его адвокаты назовут подделкой.

— А если я поеду, ты обещаешь, что всё закончится?

— Нет.

Юлия посмотрела на неё.

— Ты могла бы солгать.

— Мне слишком долго лгали. Я не буду делать это с тобой.

Андрей выключил камеру.

— Мы можем провести первичный осмотр документа здесь, — сказал он. — Вызвать эксперта из областного центра. Но это займёт время и привлечёт внимание. В Ладужинске у нас есть кардиолог, который не связан с фондом Карелина. После исследования вы сможете дать показания в защищённом помещении.

— А потом?

— Решим, где вы будете в безопасности.

Юлия с горечью усмехнулась:

— Именно так двадцать один год назад говорил мой отец.

— Я не ваш отец.

— И не можете обещать, что меня не убьют.

— Не могу.

Андрей сделал шаг к ней, опираясь на трость.

— Но могу обещать, что больше никто не заставит вас исчезнуть без следа. На этот раз о вашем существовании знают слишком многие.

Юлия долго смотрела на него, затем на Елизавету.

— Я поеду, — сказала она. — Но только с вами.

Алексей Павлович Громов ждал их в небольшом диагностическом кабинете частной клиники.

Ему было около шестидесяти. Седые волосы, прямые плечи, спокойные движения человека, привыкшего сообщать пациентам правду без лишней жестокости. Он знал Елизавету много лет и никогда не пытался убедить её, что перенесённая остановка сердца была случайностью.

Именно он однажды сказал:

«Случайность объясняет событие. Но она не объясняет уничтоженные документы».

Дверь кабинета заперли. На стол установили две камеры. Андрей ещё раз зафиксировал целостность пакета и попросил Юлию подтвердить происхождение конверта.

После этого Громов осторожно разрезал старую ленту.

Из чёрной оболочки он извлёк сложенную полосу миллиметровой бумаги.

Линии на ней побледнели, но сохранились.

Елизавета увидела знакомые острые зубцы.

След собственного сердца.

Того сердца, которое утром четырнадцатого декабря 2004 года уже пыталось предупредить её.

В верхней части плёнки стояли фамилия и инициалы:

МОРОЗОВА Е. Д.

Возраст: восемнадцать лет.

Дата: 14.12.2004.

Время: 10:43.

Ниже — номер аппарата и код медицинского кабинета «Авроры».

Громов не произносил ни слова почти десять минут. Он измерял интервалы, делал записи, рассматривал отдельные участки под увеличительной лампой.

Елизавета следила за его лицом.

— Говорите, — не выдержала она.

— Сначала я должен закончить.

— Я двадцать один год ждала. Мне хватило.

Кардиолог отложил линейку.

— На записи синусовый ритм. Частота — девяносто два удара в минуту. Есть желудочковые экстрасистолы. Интервал QT значительно удлинён.

— Насколько?

— После коррекции — примерно пятьсот двенадцать миллисекунд.

Юлия закрыла рот рукой.

Андрей спросил:

— Объясните простыми словами.

— У молодой женщины был высокий риск опасной желудочковой аритмии. Особенно при введении препарата, способного воздействовать на калиевые каналы сердца.

— И-17 воздействовал именно на них, — сказала Елизавета.

— Если предварительное заключение лаборатории по ампуле верно — да.

— Мог врач не заметить изменения?

Громов посмотрел на неё.

— Не мог.

— Ошибиться?

— Ошибиться можно в пограничном значении. Здесь значение не пограничное. Кроме того, на плёнке есть экстрасистолы. Любой кардиолог должен был немедленно запретить экспериментальную нагрузку и назначить дополнительное обследование.

Он указал на нижний край бумаги.

— Здесь имеется предварительная запись врача: «К участию не допускать до консультации кардиолога».

Под ней стояла подпись.

Почерк оказался размазан, но фамилия читалась.

К. Орлова.

— Кто это? — спросил Андрей.

Юлия покачала головой.

— В «Авроре» была молодая врач функциональной диагностики. Кажется, Ксения Андреевна. После того дня я её больше не видела.

Громов продолжил:

— Есть ещё один штамп. Кардиограмму зарегистрировали в журнале под номером двести восемнадцать.

Андрей достал копию медицинской карты Елизаветы.

В официальном деле находилась другая кардиограмма, сделанная якобы в то же утро.

Громов разложил две записи рядом.

На второй плёнке стояли та же фамилия, тот же возраст и тот же аппарат. Время обследования — 11:08.

Заключение:

«Вариант нормы. Противопоказаний к физической нагрузке не выявлено».

— Могли сделать повторную кардиограмму через двадцать пять минут? — спросил Андрей.

— Могли, — ответил Громов. — Но это не кардиограмма Елизаветы.

В кабинете наступила тишина.

— Почему вы уверены? — спросила Елизавета.

Громов положил палец на один из участков.

— У человека за двадцать пять минут может измениться частота пульса. Могут исчезнуть отдельные экстрасистолы. Но не меняются электрическая ось сердца, форма комплекса QRS и особенности проводимости. Здесь мы видим записи двух разных людей.

— Можно установить, кому принадлежит вторая?

— Если найдём кардиограммы остальных участников программы.
Елизавета вспомнила список.

И-16.

Юлия Воронова.

— Юля, тебе делали обследование в то утро?

— Да. После приступа меня приводили несколько раз.

Громов посмотрел на неё.

— У вас сохранились современные кардиограммы?

— В телефоне есть заключение с прошлого года. Врач присылал файл.

Юлия нашла медицинские документы в электронной почте и передала телефон кардиологу.

Он увеличил изображение.

Сначала сравнил ритм. Потом форму зубцов. Несколько раз перевёл взгляд с экрана на подменённую запись.

— Предварительно, — медленно произнёс он, — кардиограмма
из

официальной

карты

Елизаветы действительно может принадлежать Юлии Сергеевне.

Юлия побледнела.

— Они положили мою кардиограмму в её карту?

— Вероятно.

— Но почему мою? У меня уже был приступ.

— На этой записи нет опасных изменений, — объяснил Громов. — Возможно, в тот момент ритм нормализовался. Для подмены требовалась плёнка женщины того же возраста, обследованной на том же аппарате в тот же день.

Елизавета посмотрела на две ленты.

Два сердца.

Две восемнадцатилетние девушки.

Одной сделали укол, несмотря на прямой запрет.

Кардиограммой другой скрыли преступление.

— Поэтому нас держали рядом, — сказала Юлия. — До твоего приступа меня не отпускали домой. Я думала, они наблюдают за моим состоянием.

— Им нужна была подходящая запись, — ответил Андрей.

Он достал красный конверт, найденный в тайнике зимнего сада.

— Теперь открываем это.

На конверте стояла надпись:

«И-17. ОРИГИНАЛ ИСХОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ».

Внутри оказалась не плёнка, а сложенный вчетверо лист копировальной бумаги.

Громов развернул его.

Это было внутреннее направление на введение препарата.

В верхней части указывались данные Елизаветы, номер серии И-17 и назначенное время процедуры. Ниже имелась таблица предварительных показателей.

В строке «ЭКГ» сначала было написано:

«QTc 512 мс. Желудочковая экстрасистолия. Допуск отсутствует».

Фразу зачеркнули.

Поверх неё другим почерком вписали:

«Контрольная ЭКГ — норма. Допущена».

Под исправлением стояла подпись доктора Рудина.

А рядом — короткая резолюция:

«Серию завершить сегодня. В. Карелин».

Елизавета перечитала её дважды.

Не «продолжить наблюдение».

Не «провести повторное обследование».

Серию завершить сегодня.

Она была последней.

Не пациенткой.

Не спортсменкой.

Последним номером в последовательности, которую Карелин приказал довести до конца.

— Этого достаточно? — спросила Юлия.

Андрей не сразу ответил.

— Для возбуждения нового дела — более чем. Для обвинения Карелина понадобится подтвердить подлинность подписи и доказать, что резолюция сделана до введения препарата.

Громов указал на нижний угол листа.

— Здесь время регистрации.

Маленькие цифры едва читались:

15.12.2004. 06:08.

— Это раньше процедуры? — спросил Андрей.

Елизавета почувствовала, как возвращается обрывок воспоминания.

Белый кабинет.

Холодный край кушетки под пальцами.

Часы над дверью.

Медсестра, которая торопливо прятала ампулу в ладонь.

И голос Рудина:

«Через двадцать минут выйдешь на лёд».

— Да, — прошептала она. — Препарат ввели позже.

— Во сколько?

— Я не помню.

— В официальной карте указано, что И-17 ввели утром пятнадцатого декабря, — сказал Андрей.

Громов снял очки.

— То есть к утру пятнадцатого декабря доктор Рудин и Виктор Карелин уже знали о прямых противопоказаниях.

— И всё равно сделали укол, — закончила Юлия.

Елизавета смотрела на красную линию, перечеркнувшую медицинское заключение.

Один росчерк ручки.

Этим движением кто-то отменил предупреждение её сердца.

Громов составил предварительное заключение, подробно описал состояние обеих плёнок и запечатал оригиналы в новые пакеты. Андрей сохранил видеозапись на трёх носителях.

Только после этого Юлия позволила себе сесть.

— Ольга Леонидовна знала, что они это сделали, — сказала она. — Поэтому отдала мне кардиограмму.

— Почему не моей матери? — спросила Елизавета.

— Она собиралась. Но после вызова скорой в «Авроре» началась паника. Тарасов забрал телефоны. Ольгу Леонидовну увели. А ночью она пришла к нам домой.

— Она была у тебя?

— Да. Сказала, что твоё сердце остановилось не из-за нагрузки. Что в ампуле был экспериментальный препарат. Просила отца спрятать меня и никому не показывать плёнку, пока не найдётся врач, готовый подтвердить подмену.

— А потом?

Юлия сжала руки.

— Через два дня Ольга Леонидовна исчезла.

— Мне говорили, что она уехала лечиться, — сказала Елизавета.

— Нам тоже.

Андрей поднял взгляд.

— Она выходила с вами на связь после декабря две тысячи четвёртого?

— Один раз. В январе пришла открытка без обратного адреса. Там было всего одно предложение.

— Какое?

Юлия посмотрела на Елизавету.

— «Если Лиза когда-нибудь вспомнит часы, ищите того, кто остановил их».

Елизавета почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Какие часы?

— Не знаю. Отец решил, что это бессмыслица. Потом открытка пропала во время обыска. В памяти снова возник белый кабинет.

Круглый циферблат над дверью.

Чёрная секундная стрелка.

Она двигалась, когда Елизавета вошла.

А после укола...

Елизавета закрыла глаза, пытаясь удержать ускользающий образ.

Часы показывали одно и то же время.

Не потому, что воспоминание застыло.

Секундная стрелка действительно не двигалась.

— В процедурной остановились часы, — сказала она.

Андрей приблизился.

— Ты уверена?

— Теперь да. Я смотрела на них, когда мне стало плохо. Они показывали шесть тридцать девять.

— В карте указано другое время введения, — напомнил Громов.

— Но часы могли остановиться ещё до самого укола.

— Или записи потом подогнали под удобную для клиники версию, — сказал Андрей.

Он посмотрел на подлинную кардиограмму, затем на резолюцию Карелина.

— Нам нужно восстановить последовательность: обследование четырнадцатого, процедура пятнадцатого и события восемнадцатого декабря.

Елизавета подошла к окну.

На улице снова начинался снег. Люди спешили по тротуару, не зная, что в маленьком кабинете наконец заговорило сердце, которое заставили молчать двадцать один год.

Она должна была почувствовать облегчение.

Доказательство найдено.

Оригинальная кардиограмма существовала. Подмена подтверждалась. Карелин и Рудин знали о риске ещё до введения препарата.

Но вместо облегчения пришла ясность.

Её остановка сердца не была врачебной ошибкой.

Ошибку совершают, когда не знают.

Они знали.

И сделали это намеренно.

Андрей встал рядом. Не коснулся её, только положил ладонь на подоконник возле её руки.

На этот раз Елизавета сама придвинула пальцы ближе.

— Мы докажем, — сказал он.

— Это уже доказано.

— Пока только для нас.

Она посмотрела на их отражения в стекле.

— Тогда сделаем так, чтобы увидели все.

За их спинами Громов погасил увеличительную лампу.

Настоящая кардиограмма лежала в прозрачном пакете, и её побледневшие зубцы больше не казались слабым следом прошлого.

Это был голос.

Первый голос из двенадцати.

И он называл имена тех, кто заранее знал, что Елизавета может умереть.

Глава 34

Признание матери

*Иногда молчание покупают страхом.
Но расплачиваются за него любовью.*

Анна Сергеевна приехала в центр вечером.

Она не сняла пальто, хотя в кабинете Елизаветы было жарко. Снег на её плечах растаял, оставив тёмные пятна на шерстяной ткани. В руках мать держала старую коричневую сумку, прижимая её к себе так, словно внутри находилось что-то хрупкое.

Или опасное.

За окнами уже стемнело. Свет из зимнего сада отражался в стеклянных стенах, превращая голые ветви растений в неподвижные чёрные тени. Пациентов перевели в палаты, технический проход опечатали, возле корпуса дежурили двое людей Андрея.

Юлия находилась в безопасной квартире. Её телефон отключили, адрес знали только Андрей, Ковалёв и Елизавета.

Настоящая кардиограмма лежала в сейфе вместе с заключением Громова. Электронные копии хранились в трёх местах.

Но впервые за последние дни Елизавета почти не думала о документах.

Она смотрела на мать.

— Ты сказала, что должна рассказать мне что-то о вызове скорой, — произнесла она.

Анна Сергеевна перевела взгляд на Андрея.

— Он останется?

— Да.

— Это семейный разговор.

— Двадцать один год он был семейным. Теперь это часть расследования.

Мать вздрогнула от последнего слова.

— Никакого расследования тогда не было.

— Именно поэтому оно есть сейчас.

Андрей сидел в стороне, возле небольшого стола. Чёрная трость стояла у его кресла. Он не включал диктофон и не доставал блокнот, давая Анне Сергеевне возможность начать самой.

Она не начинала.

Елизавета положила перед ней копию настоящей кардиограммы.

— Эту плёнку сделали утром четырнадцатого декабря. До введения И-17. Здесь прямой запрет на участие в программе.

Анна Сергеевна посмотрела на зубцы, но не прикоснулась к бумаге.

— Где вы её нашли?

— Юлия Воронова хранила её двадцать один год.

— Юля жива?

— Жива. Она никогда не уезжала из страны.

Мать закрыла глаза.

— Нам сказали, что её семья эмигрировала.

— Нам много чего сказали.

Елизавета положила рядом вторую копию — внутреннее направление с исправленной строкой и резолюцией Карелина.

— Он знал о противопоказаниях. Рудин тоже знал. И всё равно препарат ввели.

— Я не знала о кардиограмме.

— Но знала о препарате.

Анна Сергеевна подняла голову.

— Я уже рассказывала тебе об ампуле.

— Не всё.

— Всё, что помнила.

— Нет, мама. Всё, что решилась сказать.

Эти слова заставили её побледнеть.

Андрей медленно поднялся.

— Я оставлю вас на несколько минут.

— Останься, — сказала Елизавета.

Он остановился.

— Если она снова попытается спрятать часть правды, мне нужен человек, который это заметит.

— Ты думаешь, я лгу тебе даже сейчас? — спросила мать.

— Я знаю, что ты лгала мне двадцать один год.

Анна Сергеевна опустила в кресло.

Коричневая сумка осталась у неё на коленях.

— Я хотела защитить тебя.

— От чего?

— От того, что было в тот день.

— Оно всё равно осталось со мной.

Елизавета села напротив.

— Я жила с остановкой сердца, которой никто не мог объяснить. Думала, что подвела тренера, отца, тебя, врачей. Что моё тело оказалось слабее чужих ожиданий. А теперь узнаю: вы все знали, что это не случайность.

— Не все.

— Ты работала в лаборатории «Авроры».

— Я была лаборантом. Выполняла анализы, носила пробирки, заполняла журналы. К программе «Импульс» меня не допускали.

— Но пятнадцатого декабря ты была там.

— Была.

— И видела, что произошло после укола.

Анна Сергеевна крепче сжала ручки сумки.

— Не сразу.

— Тогда расскажи с самого начала.

Мать посмотрела на неё долгим, измученным взглядом.

— Ты уверена, что хочешь услышать?

— Вопрос нужно было задать двадцать один год назад.

Анна начала с пятнадцатого декабря: белой ампулы, спора с Рудиным, попытки забрать образец и его исчезновения из лаборатории. Затем перешла к вечеру восемнадцатого декабря 2004 года.

Мороз в тот день был сильнее обычного. Окна лаборатории покрылись изнутри белыми узорами, а старые батареи едва нагревали помещение. Анна работала в свитере под халатом и несколько раз выходила в коридор за горячей водой.

Елизавета приехала незадолго до шести вместе с тренером.

Они встретились у лестницы.

— Ты выглядела уставшей, — сказала Анна Сергеевна. — Я спросила, спала ли ты ночью.

Ты ответила, что всё нормально и что после тренировки поедешь покупать подарки.

Елизавета вспомнила слова Юлии.

Они обе хранили один и тот же обрывок её жизни.

Только она сама его потеряла.

— К тому вечеру ты уже знала про И-17?

— Да. Я знала, что его ввели тебе пятнадцатого и что после этого начались перебои ритма.

— Откуда?

— Я видела ампулу и пыталась отдать её на анализ.

— А результаты?

— Исчезли. Карелин сказал, что внутренняя проверка продолжается.

Елизавета хотела спросить дальше, но Андрей едва заметно качнул головой.

Не сейчас.

Признание отца должно было иметь своё время.

— Продолжай, — сказала она.

— Около половины седьмого Рудин принёс в лабораторию несколько пробирок крови, взятых у участников программы перед вечерним прокатом. На одной стояли твои инициалы и код И-17. Он потребовал провести срочный анализ и не регистрировать образцы в общем журнале.

— Это было необычно?

— Запрещено. Любой биологический материал должен был иметь направление и данные пациента. Я отказалась. Тогда пришёл Карелин.

Анна Сергеевна провела ладонью по колену, словно пыталась стереть невидимое пятно.

— Он сказал, что образцы принадлежат участникам закрытого исследования, одобренного министерством. Что все документы находятся в отдельном архиве. Я поверила.

— Или захотела поверить?

Мать не ответила.

— В твоём образце был нарушен калиевый баланс, — продолжила она. — Показатели казались странными. Я попросила повторный забор, но Рудин сказал, что времени нет.

Громов предупреждал: при удлинённом

QT

любое дополнительное влияние на калиевые каналы могло стать смертельным.

У Елизаветы было сразу два фактора риска.

Настоящая кардиограмма.

И анализ крови.

Оба предупреждения проигнорировали.

— Ты сообщила Рудину? — спросил Андрей.

Анна Сергеевна кивнула.

— Он посмотрел результаты и забрал лист. Потом велел мне закончить работу с образцами и уйти из лаборатории.

— Во сколько?

— Около без четверти семь.

— Вы ушли?

— Нет. Я задержалась, потому что нужно было закончить центрифугирование других образцов.

Она посмотрела на Елизавету.

— В восемнадцать пятьдесят две со стороны катка донёсся крик, а в лабораторном коридоре на секунду мигнул свет.

— Отключение?

— Нет. Свет сразу восстановился. Через несколько секунд я услышала бег по лестнице.

Потом закричала женщина.

— Кто?

— Ольга Леонидовна.

Елизавета сжала пальцы.

— Что она кричала?

— «Вызывайте скорую».

В кабинете повисла тишина.

Анна Сергеевна продолжала смотреть на дочь, но теперь словно видела не взрослую женщину, а восемнадцатилетнюю девушку, лежащую на льду у борта.

— Я выбежала в коридор. Со стороны катка кричала Ольга Леонидовна. Через стеклянную дверь я увидела, как тебя переносили с льда на носилки. Рудин проверял пульс, медсестра держала кислородную маску, а Ольга Леонидовна пыталась дозвониться по внутреннему телефону.

— А Карелин?

— На катке его не было.

— Кто был рядом?

— Рудин и Тарасов.

В голосе матери впервые появилась злость.

— Рудин по внутреннему телефону распорядился городскую скорую пока не вызывать. Тарасов закрыл выходы и запретил пользоваться телефонами.

— Они уже пытались удержать ситуацию внутри клиники, — произнёс Андрей.

— Да.

— Откуда вы поняли, что это было не растерянностью?

— Я слышала, как Рудин говорил по телефону: «Сколько у нас времени?» Потом ответил: «Понял. Сначала убираем серию». Позже я узнала, что на линии был Карелин.

У Елизаветы похолодели руки.

— Они уничтожали препарат, пока я лежала без пульса?

— Тогда сердце ещё работало. Очень слабо. Ты дышала рывками. Но они уже понимали, что состояние ухудшается.

— Почему ты не вошла?

— Тарасов вытолкнул меня в коридор.

— Он уже был там?

— Да. Он находился у входа на арену. Потом закрыл переход и приказал сотрудникам не покидать рабочие места. Сказал, что произошёл обычный обморок.

— И ты вернулась?

Вопрос прозвучал жёстче, чем Елизавета хотела.

Анна Сергеевна опустила голову.

— Да.

— Твоя дочь умирала за дверью, а ты вернулась в лабораторию?

— Я не знала, что делать!

— Вызвать скорую!

— Все телефоны отключили!

Елизавета замолчала.

Мать тяжело дышала. В её глазах появились слёзы, но голос оставался твёрдым.

— Они заблокировали внешние линии. Мобильная связь в том крыле почти не работала. Мой телефон остался в раздевалке, а Тарасов запер служебный выход. Я побежала к проходной, но в коридоре стоял охранник.

— И что потом?

Анна Сергеевна открыла коричневую сумку.

Из неё она достала старый лабораторный халат, сложенный в несколько раз. Ткань пожелтела, на кармане ещё сохранялась вышитая эмблема «Авроры».

Мать положила его на стол.

— В подсобном помещении лаборатории был отдельный телефон, — сказала она. — Им пользовались для связи с городской санитарной службой. Он не проходил через внутреннюю станцию клиники. О нём почти никто не помнил.

Андрей придвинулся ближе.

— Вы позвонили с него?

Анна Сергеевна кивнула.

— Я заперлась в подсобке, накрыла аппарат этим халатом, чтобы звонок и мой голос не было слышно из коридора, и набрала скорую.

Елизавета смотрела на старую ткань.

— Почему ты никогда не говорила мне?

Мать промолчала.

— Мама, почему я двадцать один год думала, что скорую вызвала клиника?

— Потому что Карелин запретил рассказывать.

— И ты подчинилась?

— Не сразу.

Анна Сергеевна провела пальцами по вышитой эмблеме.

— Когда диспетчер ответила, я не смогла назвать себя. Сказала, что восемнадцатилетняя девушка потеряла сознание на льду, почти не дышит и пульс пропадает.

— Вы сообщили, что пациентка находится в «Авроре»? — спросил Андрей.

— Да. Назвала «Аврору» и Лизино имя.

— Вы помните время вызова?

— На телефоне часов не было. Но на стене висел лабораторный таймер. Он показывал восемнадцать пятьдесят восемь.

Андрей выпрямился.

— Ольга Леонидовна закричала примерно в восемнадцать пятьдесят две?

— Да.

— Значит, вызов задержали минимум на шесть минут.

Шесть минут.

Именно столько понадобилось Карелину, Рудину и Тарасову, чтобы убрать ампулы, заменить документы и решить, какую версию произошедшего они расскажут врачам скорой.

Шесть минут, в течение которых сердце Елизаветы ещё пыталось справиться само.

— Что было после звонка? — спросила она.

— Диспетчер велела не отключаться. Но я услышала шаги. Положила трубку и спрятала телефон под коробками. Когда вышла, в лаборатории уже был Тарасов.

Анна Сергеевна замолчала.

— Он видел тебя возле подсобки? — спросил Андрей.

— Да.

— Понял, что звонили вы?

— Не сразу. Спросил, где я была. Я сказала, что проверяла холодильник с образцами.

— Он поверил?

— Нет.

Мать развернула халат.

На внутренней стороне кармана темнело небольшое бурое пятно.

— Он схватил меня за руку и потащил обратно в коридор. Я ударилась о металлический стеллаж. Потом с улицы донеслась сирена.

Елизавета представила этот звук.

Сначала далёкий.

Затем всё ближе.

Звук, нарушивший установленную Карелиным тишину.

— Что сделал Тарасов?

— Отпустил меня и побежал к процедурной. Через несколько секунд Карелин вышел оттуда. Он был в ярости. Спросил, кто вызвал скорую. Никто не ответил.

— А ты?

— Я стояла рядом.

— Он понял?

— Думаю, да.

— Скорая приехала к служебному входу?

— Да, но охрана не открыла ворота сразу.

— Вы открыли?

Анна Сергеевна подняла глаза.

— Нет. Ворота открыли после требования Максима. Я увидела бригаду уже внутри, у медицинского блока.

Елизавета почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Максим видел тебя?

— Да. Уже внутри.

— Что ты ему сказала?

— Что тебя унесли вниз. И показала лестницу за залом физиотерапии.

— Почему в документах написано, что бригаду встретил Тарасов?

— Потому что позже все показания переписали.

Елизавета встала и отошла к окну.

Ей было трудно находиться рядом с матерью.

Ещё труднее — отойти от неё.

Двадцать один год Анна Сергеевна скрывала правду. Позволяла дочери верить, что вызов сделало руководство клиники, а Максим прибыл слишком поздно по собственной вине.

Но если бы мать не нашла тот забытый телефон, скорая могла не приехать вовсе.

Карелин получил бы достаточно времени, чтобы уничтожить всё.

Возможно, даже объявить, что Елизавета умерла от врождённой патологии ещё до начала процедуры.

— Когда сердце остановилось? — спросил Андрей.

— Я не знаю точного времени. Когда Максим вошёл в кабинет, Рудин сказал, что пульса нет около двух минут. Но это была ложь.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я слышала сигнал монитора ещё до звонка. Он изменился почти сразу после того, как Ольга Леонидовна закричала.

— Изменился как?

— Сначала был частым. Потом стал протяжным.

Громкая ровная линия.

Остановка сердца произошла раньше, чем утверждал Рудин.

Остановка кровообращения могла произойти раньше, но семнадцать минут в карте Максима были временем реанимации — с 19:18 до 19:35.

Реальное время без эффективного кровообращения до его появления могло быть больше.

Елизавета прижала ладонь к груди.

Сердце билось быстро и неровно — не опасно, но достаточно, чтобы тело вспомнило то, чего не могла восстановить память.

Андрей поднялся, однако не подошёл к ней.

Он всегда оставлял последний шаг за ней.

— После того как меня увезли, что сделал Карелин? — спросила Елизавета.

Анна Сергеевна медленно сняла пальто.

Под ним оказался чёрный свитер с высоким воротником. За последние дни мать словно стала меньше, слабее, старше.

— Запер сотрудников в конференц-зале. Тарасов собрал телефоны. Карелин сказал, что произошёл несчастный случай во время стандартной восстановительной процедуры. Всем раздали листы с текстом показаний.

— И ты подписала?

— Нет.

— Сразу нет или вообще нет?

Мать отвела взгляд.

— Сразу.

— А потом?

— Потом подписала.

— Почему?

Анна Сергеевна сжала губы.

— Потому что в больнице сказали, что ты можешь не прийти в сознание.

— Кто сказал?

— Карелин.

— Он приехал туда?

— В ту же ночь. Нашёл меня в коридоре реанимации. Твой отец был у врача. Карелин сел рядом и сказал, что «Аврора» оплатит всё лечение. Лучших специалистов, лекарства, реабилитацию за границей — всё, что понадобится.

— В обмен на молчание.

— Да.

— И ты согласилась.

— Я думала, ты умрёшь!

Голос Анны Сергеевны сорвался.

— Ты лежала за стеклом, к тебе были подключены аппараты, а врач не мог сказать, проснёшься ли ты утром. Я не думала о суде, доказательствах или справедливости. Я думала только о том, что у нас нет денег на лечение.

— Карелин сначала едва не убил меня, а потом предложил оплатить моё спасение.

— Я знаю.

— И этого оказалось достаточно?

— Нет.

— Тогда что ещё?

Мать молчала.

Елизавета подошла к столу.

— Чем он угрожал?

— Сказал, что если выяснится, что я самовольно вызвала скорую и передала медикам сведения о закрытом исследовании, меня обвинят в разглашении врачебной тайны и краже препарата.

— Ампулы, которую вы взяли, — уточнил Андрей.

— Я забрала её позже. После того как Лизу увезли.

— Значит, во время разговора в больнице Карелин уже знал?

— Тарасов обнаружил, что одной использованной ампулы нет. Они решили, что её взяла я.

— И были правы.

— Да.

Анна Сергеевна прижала руки к груди.

— Карелин сказал, что меня посадят, а Дмитрия обвинят в соучастии. Что федерация лишит Лизу всех выплат и медицинской страховки. Что ни одна клиника не примет её по благотворительной программе.

— Он торговался моей жизнью, — произнесла Елизавета.

— А я покупала её тем, что у меня было.

— Молчанием.

— Да.

Одно короткое слово вместило двадцать один год.

Елизавета отвернулась.

Перед глазами возникла мать в больничном коридоре. Молодая, растерянная, в лабораторном халате под зимним пальто. За стеклом лежала дочь. Рядом сидел человек, по приказу которого ей ввели опасный препарат, и обещал помочь — если семья навсегда откажется от правды.

Это не оправдывало ложь.

Но объясняло цену, которую Анна Сергеевна увидела перед собой.

— Почему ты не рассказала позже? — спросила Елизавета. — Когда я пришла в сознание? Когда смогла ходить? Когда открыла центр? Карелин уже не мог отнять моё лечение.

— Сначала ты была слишком слабой.

— Потом?

— Потом ты запретила говорить об «Авроре».

— Потому что верила официальной версии.

— Я боялась, что правда снова разрушит тебя.

— Нет, мама. Ты боялась, что она разрушит тебя.

Анна Сергеевна закрыла лицо руками.

Елизавета не смягчила слова.

Она слишком долго защищала других от последствий их решений.

— Да, — прошептала мать. — Боялась.

В этом признании не было попытки оправдаться.

Только усталость.

Андрей включил диктофон и положил его на стол.

— Анна Сергеевна, я должен задать вопрос официально. Вы готовы подтвердить, что восемнадцатого декабря две тысячи четвёртого года самостоятельно позвонили в службу скорой помощи из подсобного помещения лаборатории «Авроры»?

— Готова.

— Руководство клиники не давало вам такого распоряжения?

— Нет. Наоборот, внешний вызов запрещали.

— Кто именно?

— Виктор Карелин. Доктор Рудин. Олег Тарасов отключил телефоны и запер выходы.

— Сколько времени прошло от первых признаков критического состояния Елизаветы до вашего звонка?

— Примерно шесть минут.

— Вы сообщили диспетчеру, что Елизавета потеряла сознание на льду и что рядом есть врачи, которые не вызывают скорую?

— Да.

— Почему этих обстоятельств нет в официальной карточке вызова?

— Не знаю.

Андрей достал из папки распечатку.

— Теперь знаем.

Он положил перед ними копию страницы из журнала станции скорой помощи, найденную вместе с материалами служебной проверки против Максима Орлова.

В строке вызова в «Аврору» было написано:

«Потеря сознания после физической нагрузки».

Не было ни слов о редком дыхании, ни сведений о том, что врачи клиники отказались вызывать помощь.

— Запись изменили, — сказала Анна Сергеевна.

— Вероятно. Но дежурный диспетчер Вера Ракитина сохранила рабочую кассету. После вашего признания мы можем официально запросить экспертизу записи и идентификацию голоса.

Мать посмотрела на диктофон.

— Мой голос там остался?

— Если кассета не повреждена.

— Я почти шептала.

— Современная обработка восстановит большую часть разговора.

Анна Сергеевна медленно кивнула.

— Включите.

— Сейчас?

— Сейчас.

Андрей нашёл в телефоне цифровую копию записи, полученную от Веры Ракитиной.

Сначала из динамика донёлся шум.

Треск старой магнитной ленты.

Обрывки чужих вызовов.

Потом женский голос диспетчера:

— Скорая помощь. Что случилось?

Несколько секунд ничего не было слышно.

Затем прозвучал шёпот:

— Девушка потеряла сознание. Восемнадцать лет. Она не дышит... то есть дышит, но очень редко. Пульс пропадает.

Анна Сергеевна закрыла глаза.

Елизавета смотрела на неё.

Голос был моложе, выше, но сомнений не оставалось.

— Назовите адрес.

— Спортивный комплекс «Аврора». Ледовая арена. Служебный вход со стороны набережной.

— Как зовут пострадавшую?

— Лиза. Елизавета Морозова.

— Что произошло?

— Она упала на льду. Пожалуйста, приезжайте скорее.

Пауза.

— Кто находится рядом с ней? Медицинский работник есть?

На записи послышался удар.

Чьи-то шаги за дверью.

И последний шёпот:

— Здесь есть врачи. Но они не вызывают вас.

Связь оборвалась.

Несколько секунд из динамика доносился только треск старой плёнки.

В кабинете никто не двигался.

Двадцать один год Елизавета думала, что в тот день мать выбрала молчание.

Теперь выяснилось: сначала она выбрала борьбу.

Побежала к забытому телефону.

Назвала адрес.

Нашла Максима внутри.

Показала ему лестницу, куда унесли Елизавету.

И только потом, в больничном коридоре, испугалась цены собственного поступка.

Елизавета подошла к ней.

Анна Сергеевна не поднимала головы.

— Я должна была рассказать раньше, — сказала она. — Каждый год собиралась. Особенно восемнадцатого декабря. Звонила тебе, слышала голос и понимала, что снова не могу.

— Потому что думала, что я не прошу?

— Потому что знала: если расскажу, ты спросишь, почему мы с отцом подписали соглашение.

— Я спрашиваю.

Мать посмотрела на неё.

— И у меня нет ответа, который тебя не ранит.

— Тогда не ищи такой. Просто скажи правду.

Анна Сергеевна кивнула.

— Я расскажу. Всю.

Елизавета обняла её.

Не потому, что простила.

До прощения оставалось слишком много непроговорённых слов.

Она обняла женщину, которая спасла ей жизнь, а потом двадцать один год боялась признаться в этом.

Сначала мать оставалась неподвижной.

Потом её руки сомкнулись за спиной дочери.

— Прости меня, — прошептала она.

Елизавета закрыла глаза.

— Я ещё не умею.

— Я подожду.

— Больше не молча.

Анна Сергеевна заплакала.

Тихо, почти беззвучно, уткнувшись лицом в плечо дочери.

Андрей отвернулся к окну.

Он дал им несколько минут, а затем остановил запись на диктофоне.

Когда Анна Сергеевна ушла умыться, Елизавета осталась возле стола. Старый халат лежал рядом с настоящей кардиограммой и журналом вызовов.

Три свидетеля одного дня.

Сердце.

Голос.

И ткань с пятном крови женщины, которая тайком вызвала скорую помощь.

Андрей подошёл ближе.

— Ты в порядке?

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Я думала, она предала меня.

— Она испугалась.

— Это не одно и то же?

— Иногда одно следует за другим. Но сначала она всё-таки позвонила.

Елизавета провела пальцем над кнопкой воспроизведения.

— Если бы она не позвонила...

Андрей не позволил ей закончить.

— Но она позвонила.

— Через шесть минут.

— Одна. Из закрытого помещения. Зная, что может потерять работу и свободу.

— А потом подписала соглашение.

— Да.

— Ты постоянно пытаешься заставить меня увидеть обе стороны.

— Потому что они существуют одновременно.

Елизавета посмотрела на него.

— Это ужасная привычка.

— Я работаю над ней.

Она коснулась его руки.

Легко, почти случайно.

Но не убрала пальцы.

За дверью послышались шаги Анны Сергеевны. Елизавета отпустила руку Андрея и сложила документы.

Мать вернулась, держа в руках небольшую записную книжку, которую достала из сумки.

— Это ещё не всё, — сказала она.

— Что там?

— Время, которое я записала в больнице. Когда приехала скорая, когда Максим начал реанимацию, когда сердце снова заработало и когда Карелин принёс соглашение.

Андрей взял книжку.

На странице с датой 18 декабря 2004 года стояли пять записей:

18:58 — звонок.

19:06 — скорая.

19:18 — Максим начал реанимацию.

19:35 — сердце запустили.

20:10 — Карелин в больнице.

Между началом реанимации и восстановлением сердечного ритма было ровно семнадцать минут.

Не приблизительно.

Не по воспоминаниям Максима.

Ровно семнадцать.

Андрей поднял взгляд.

— Почему вы записали время?

— Потому что уже тогда поняла: они будут его менять.

Елизавета смотрела на пять строк.

В официальной карте время вызова, приезда и начала реанимации отличалось.

Но материнская запись совпадала со служебными отметками бригады Максима — теми, которые кто-то позже пытался объявить ошибочными.

Семнадцать минут не были красивой легендой.

Они были зафиксированы рукой женщины, сидевшей в больничном коридоре и не знавшей, выживет ли её дочь.

Анна Сергеевна перевернула страницу.

Там находилась ещё одна запись:

«Дима сказал, что всё исправит».

Елизавета почувствовала, как её пальцы похолодели.

— Что именно собирался исправить отец?

Мать закрыла книжку.

— Это следующая часть правды.

Глава 35

Шесть потерянных минут

*Шесть минут — слишком мало, чтобы изменить
прошлое.
И достаточно, чтобы решить, будет ли у человека
будущее.*

В восемнадцать пятьдесят восемь Анна Сергеевна вызвала скорую помощь.

Эта минута теперь была подтверждена дважды: записью в её старой книжке и сохранившимся разговором с диспетчером.

Но Ольга Леонидовна закричала о помощи раньше.

В восемнадцать пятьдесят две.

Между криком тренера и тайным звонком матери оставались шесть минут.

Елизавета смотрела на настенные часы в своём кабинете. Секундная стрелка двигалась бесшумно, но теперь каждый её шаг казался ударом.

Шесть минут.

Триста шестьдесят секунд.

Они не исчезли из прошлого.

Их намеренно вырезали из официальной истории.

На столе лежали копия настоящей кардиограммы, записная книжка Анны Сергеевны, расшифровка вызова и материалы служебной проверки Максима. Андрей расположил документы в хронологическом порядке и прикрепил к стене большой белый лист.

В верхней части написал:

18 ДЕКАБРЯ 2004 ГОДА

Ниже провёл красную линию.

18:52 — резкое ухудшение состояния.

18:58 — тайный звонок Анны Морозовой.

Между отметками оставалось пустое пространство.

— Нам нужно заполнить его фактами, — сказал Андрей.

В кабинете находились Анна Сергеевна, Максим Орлов и Алексей Громов. Никто из них не сел.

Максим смотрел на время приезда своей бригады: 19:06. Двадцать один год он был уверен, что с момента остановки сердца прошло не более двух минут — именно так сообщил ему доктор Рудин.

Теперь это утверждение оказалось ложью.

— Начнём заново, — предложил Андрей. — Только то, что каждый видел или слышал лично. Никаких предположений.

Он повернулся к Анне Сергеевне.

— Вы услышали крик Ольги Леонидовны. Почему решили, что это произошло именно в восемнадцать пятьдесят две?

— В лаборатории остановилась центрифуга. На ней был механический таймер. Я посмотрела на него, потому что боялась потерять образцы. До окончания цикла оставалось семь минут.

— Когда вы запустили центрифугу?

— В восемнадцать сорок пять. В журнале должно было сохраниться время.

— Журнал уцелел?

— Общий лабораторный журнал изъяли в тот же день.

— Кто?

— Я видела, что они остановились. Кто это сделал, не знаю.

Андрей написал возле первой отметки:

Отключение электричества в лабораторном крыле.

— Свет погас одновременно с криком?

— Почти. Сначала остановилось оборудование, через несколько секунд закричала Ольга Леонидовна.

Громов нахмурился.

— Это могло быть не случайное отключение.

— Не было случайным, — ответила Анна Сергеевна. — В остальных корпусах электричество осталось.

— Для чего отключать только лабораторное крыло? — спросила Елизавета.

— Чтобы перестали работать камеры, — сказал Андрей. — И часть медицинского оборудования.

— Но я была подключена к монитору.

— У реанимационного оборудования должно было быть резервное питание, — пояснил Громов. — А вот система наблюдения и внутренние телефоны могли отключиться.

Максим подошёл к схеме.

— Если питание исчезло в момент ухудшения, это могло помешать аппарату сохранить запись ритма.

— Или позволило сказать, что запись не сохранилась, — добавил Андрей.

Он написал:

18:52. Отключены камеры и часть системы регистрации.

— Дальше, — сказал он.

Анна Сергеевна прикрыла глаза.

— Ольга Леонидовна попыталась вызвать скорую по внутреннему телефону. Карелин забрал трубку и сказал, что вызов уже сделан.

— Это первая ложь, которую можно привязать ко времени, — произнёс Андрей. — В восемнадцать пятьдесят две вызова ещё не было.

На листе появилась новая строка:

Карелин сообщает сотрудникам, что скорая уже вызвана.

Елизавета смотрела на неё.

Раньше она допускала, что руководство «Авроры» растерялось. Что несколько минут были потеряны из-за паники, неверной оценки состояния или попытки справиться собственными силами.

Но растерянный человек не лжёт, что помощь уже едет.

Так говорит тот, кому нужно заставить остальных ждать.

— Что произошло в следующую минуту? — спросил Андрей.

— Тарасов закрыл процедурную и выгнал всех из коридора, — ответила Анна Сергеевна. — Потом приказал охране запереть служебные выходы.

— Откуда вы знаете, когда заперли двери?

— Я попыталась пройти к раздевалке почти сразу. Электронный замок уже не открывался.

— В две тысячи четвёртом там стояла система контроля доступа? — спросил Ковалёв, появившийся в дверях с папкой.

— На лабораторном и процедурном этажах, — ответила мать. — Карелин установил её после кражи медикаментов.

Майор положил папку на стол.

— Архив обслуживающей компании сохранился.

Андрей быстро посмотрел на него.

— Ты нашёл журнал системы?

— Не сам журнал. Резервную копию отчёта о сбое. Фирма закрылась, но её серверы передали правопреемнику. Специалист поднял старый массив.

Он достал распечатку.

— В восемнадцать пятьдесят три минуты три секунды контроллер получил команду на блокировку четырёх дверей.

— Какую команду? — спросила Елизавета.

— Не автоматическую. Ручную.

— С какого поста?

— С компьютера начальника службы безопасности.

Все посмотрели на строку отчёта.

18:53:03. РЕЖИМ ЛОКАЛЬНОЙ БЛОКИРОВКИ. ОПЕРАТОР: О. ТАРАСОВ.

Андрей прикрепил распечатку к стене.

Вторая минута перестала быть пустой.

18:53 — Тарасов блокирует двери лабораторного крыла.

— Он не просто собирал телефоны, — сказала Елизавета. — Он физически не позволил никому вызвать помощь.

— И не позволил сотрудникам выйти к главному входу, — подтвердил Андрей.

Максим медленно выдохнул.

— Когда мы приехали, двери действительно были заперты. Я решил, что сработала автоматическая блокировка из-за отключения света.

— Нет, — сказал Ковалёв. — Их заблокировали вручную. Аварийное открытие зафиксировано в девятнадцать ноль пять, за минуту до прибытия бригады.

— Мама нажала аварийную кнопку, — сказала Елизавета.

— Это тоже зафиксировано.

На отчёте стояла ещё одна строка:

19:05:41. АВАРИЙНОЕ ОТКРЫТИЕ ГЛАВНОГО ВХОДА.

Андрей провёл линию от имени Тарасова к времени прибытия скорой.

— Это уже не халатность, — сказал он. — Человек в критическом состоянии находился внутри, а выходы намеренно заблокировали.

— Он скажет, что защищал закрытую зону, — заметил Максим.

— Пусть скажет. Потом объяснит, почему разблокировал двери только после тайного вызова.

Андрей отметил следующую минуту:

18:54 — у сотрудников изымают телефоны.

— Кто лично забрал ваш телефон? — спросил он у Анны Сергеевны.

— Охранник по фамилии Мельников. Но действовал по приказу Тарасова.

— Где он сейчас?

Ковалёв открыл папку.

— Александр Петрович Мельников. Уволился из «Авроры» весной две тысячи пятого. Сейчас живёт в Пскове.

— Свяжись с местными, — сказал Андрей. — Только без официального вызова, пока не поймём, на чьей он стороне.

Елизавета перевела взгляд на Максима.

— Что происходило со мной в эти минуты?

— По рассказу Рудина, у тебя началась желудочковая тахикардия, затем кратковременная потеря сознания. Он утверждал, что пульс сохранялся до нашего появления.

— Ты ему поверил?

— В тот момент — да. Но в документах не было распечатки монитора. Я потребовал её. Рудин сказал, что аппарат отключился и данные потеряны.

Громов поднял голову.

— Если монитор работал от резервного источника, информация должна была сохраниться во внутренней памяти.

— Где сам аппарат? — спросил Андрей.

Анна Сергеевна ответила не сразу:

— Его вывезли той же ночью.

— Куда?

— Не знаю. Тарасов сказал, что оборудование отправят на ремонт.

— Марка?

— «Кардиолайн». Модель не помню.

Громов взглянул на настоящую кардиограмму.

— Серийный номер аппарата мог быть указан в отчёте.

— Но отчёта нет, — сказала Елизавета.

— Нет распечатки. Однако в памяти устройства мог сохраниться весь фрагмент аритмии.

— Через двадцать один год?

— Если аппарат не уничтожили и не заменили внутренний накопитель.

Андрей ничего не записал.

Поиск старого монитора мог занять недели и привести к очередному тупику. Сейчас важнее было восстановить действия людей.

— Третья минута, — напомнил он. — Восемнадцать пятьдесят четыре.

Анна Сергеевна нахмурилась.

— Я услышала звон стекла.

— Откуда?

— Из помещения для медицинских отходов.

— Ампулы, — сказала Елизавета.

— Вероятно.

Максим подошёл ближе.

— Когда мы вошли, возле кушетки не было никаких упаковок. Только шприц без маркировки.

— Куда он делся потом? — спросил Андрей.

— Я положил его в красный чемодан как возможное доказательство. Но в больнице шприца уже не оказалось.

— Его забрали по дороге?

— Или при переносе тебя на носилки. В коридоре было много людей.

Анна Сергеевна заговорила тише:

— Я видела медсестру с металлическим лотком. Она несла ампулы к мойке. Тарасов шёл рядом.

— Кто была медсестра?

— Ирина Белова.

Елизавета вспомнила запись на кассете:

«Не убирайте ампулу».

— Ирина пыталась их остановить, — сказала она.

— Да. Она говорила, что препараты должны остаться до приезда скорой. Тарасов вырвал у неё лоток.

— Значит, звон стекла мог означать уничтожение серии, — произнёс Андрей.

На схеме появилась четвёртая запись:

18:55 — Тарасов изымает ампулы. Попытка уничтожить серию И-17.

Елизавета подошла к стене.

Первые четыре минуты теперь имели содержание.

В них не было ни паники, ни попытки разобраться.

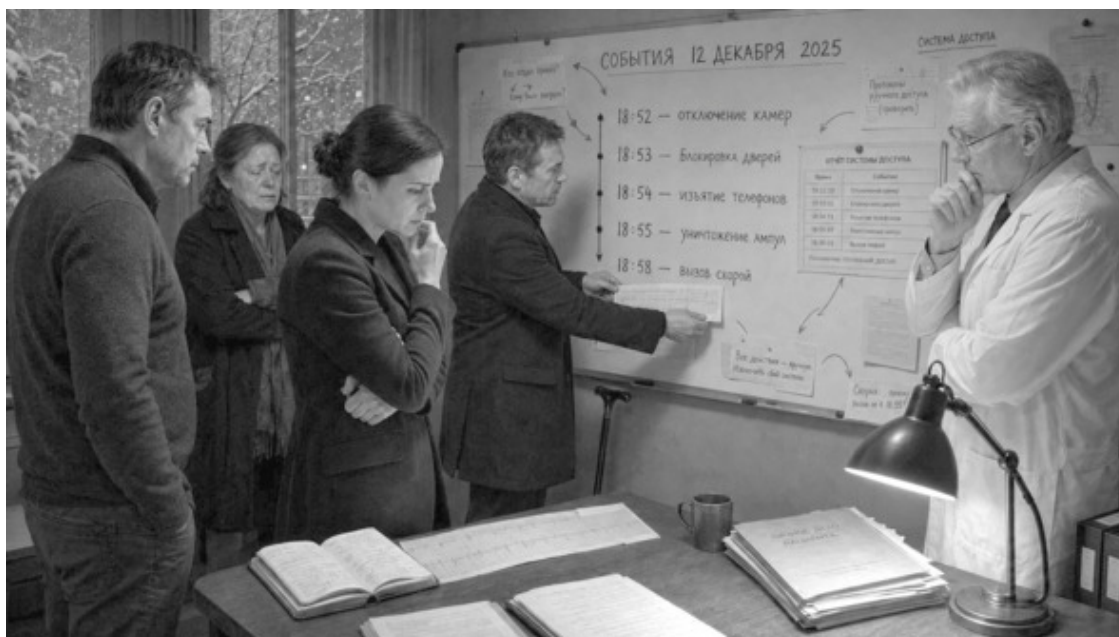
Только последовательность действий.

Отключить наблюдение.

Запереть двери.

Забрать телефоны.

Уничтожить препарат.

— Пятая минута, — сказал Андрей. — Восемнадцать пятьдесят шесть.

Анна Сергеевна закрыла глаза, заставляя себя вернуться в тот коридор.

— Карелин вышел из процедурной с папкой.

— Какой?

— Синей. В ней лежали результаты обследований.

— Настоящая кардиограмма была там?

— Не знаю. Я видела только лист с твоей фамилией. Карелин передал папку Тарасову и сказал: «Оставь контрольную».

— Подменённую запись, — произнёс Громов.

Елизавета взглянула на копию кардиограммы Юлии, оказавшуюся в её медицинской карте.

Им потребовалось менее минуты, чтобы заменить сердце одного человека сердцем другого.

— Кто мог подготовить подмену заранее? — спросил Андрей.

— Рудин, — ответила Анна Сергеевна. — Или сотрудник функциональной диагностики.

— Ксения Орлова подписала настоящий запрет, — напомнила Елизавета. — Она не стала бы подменять плёнку.

— Значит, Карелин забрал оригинал после её заключения, — сказал Громов. — А Рудин заранее выбрал подходящую запись из контрольных обследований.

— Они готовились к этому ещё до введения И-17, — поняла Елизавета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.